

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

Т»

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Псалтырь начала XX века как лингвистический источник

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.04.01 Педагогическое образование

Направленность программы магистратуры
«Русский язык и литература в поликультурной образовательной среде»
Форма обучения: очная

Проверка на объем заимствований:

78,3 % авторского текста
Работа рекоменд. к защите
рекомендована/не рекомендована
« 19 » 06 2026 г.
зав. кафедрой русского языка и
литературы

Глухих Н.В. Глухих Н.В.

Выполнил:

студентка группы ОФ-224-291-2-1
Колесник Ксения Сергеевна

Научный руководитель:

доктор филол. наук,
зав. кафедрой рус. яз. и лит-ры
Глухих Наталья Владимировна

Челябинск
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕЧАТНОГО ПСАЛТЫРЯ НАЧАЛА XX В.....	7
1.1 Псалтырь как материал научного исследования	7
1.2 Палеографическое описание памятника	11
Выводы по главе 1.....	35
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНАЯ И ЖАНРОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСАЛТЫРЯ НАЧАЛА XX В.	38
2.1 Типологическая характеристика и состав сборника	38
2.2 Композиция начального блока в текстах сборника	41
2.3 Структура конечного блока и её жанровая обусловленность	47
2.4 Организация блоков основного содержания	50
Выводы по главе 2.....	56
ГЛАВА 3. НОМИНАТИВНЫЕ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ СРЕДСТВА В ПСАЛТЫРЕ НАЧАЛА XX В.....	59
3.1 Специальные номинации в текстах сборника	59
3.2 Ономастическая лексика в Псалтыре начала XX века	66
3.3 Стилистические оппозиции книжных и «некнижных» лексем.....	69
Выводы по главе 3	78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	87
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	99
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	102

ВВЕДЕНИЕ

Начало XX века в истории русского литературного языка является периодом, отличающимся особой динамичностью и противоречивостью. В этот период сосуществовали уходящая синодальная традиция церковнославянского языка, реформированная орфография 1918 г. и активное включение разговорных и диалектных элементов в письменные тексты различных жанров. Богослужебные книги, традиционно консервативные по своему составу, на этом историческом этапе, тем не менее, подвергались широкому тиражированию в массовых издательствах. Религиозные тексты, дошедшие до нас в печатном и рукописном виде, дают богатейший материал для исследования как церковнославянского, так и русского языков. Особое место среди них занимает Псалтырь – этот памятник письменности, сохранившийся во множестве экземпляров, находится в поле зрения не только истории, но и филологии, являясь ценным лингвистическим источником. По определению С. И. Коткова, «лингвистический источник представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредованного (графического) запечатления языка или его элементов, объём и содержание которой определяется, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, с другой – строем запечатлённого» [34].

Актуальность нашего исследования непосредственно связана с недостаточной разработанностью лингвистического источниковедения области церковнославянского языка и его взаимодействия с литературным языком XX века, хотя его значимость при исследовании языковых материалов, ресурсом которых может являться любой письменный памятник, не поддается сомнению. Именно источниковедческий анализ становится начальной ступенью на пути к пониманию исторического текста.

О специфике и значимости такого подхода еще в середине XIX века писал И. И. Срезневский: «Каждый из древних памятников языка должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном» [61, с.98]. Следовательно, исследование подобных текстов предполагает всесторонний разбор на разных уровнях: необходимо описать и осмыслить графику, орфографию, произносительные черты, лексику, морфологический строй и синтаксис. Параллельно привлекаются данные палеографии и анализируется художественная сторона оформления. А. А. Шахматов, один из основоположников исторического изучения русского языка, тоже подчеркивал ценность древних текстов для реконструкции языковых процессов: «История языка получает яркое освещение со стороны письменных памятников... Анализ памятников письменности XI – XIX веков дает весьма ценные, иногда непререкаемые данные о наличии тех или иных звуковых явлений в указанных хронологических периодах» [72, с.67].

Переиздания более древних текстов имеют не меньшую познавательную ценность. Это утверждение напрямую относится к Псалтырю начала XX века, воспроизводящему печатный оригинал XVII века, как феномену осознанной языковой архаизации, анализ которого дает возможность выяснить, какие именно признаки языковой старины воспринимались в начале XX века как нормативные, насколько последовательно воспроизводились графика, орфография и морфологические черты XVII столетия.

Лингвистическое источниковедение всегда интересовалось расширением не только корпуса исследуемых письменных памятников, но и методологии их анализа. На решение этой задачи ориентированы труды таких авторов, как Л. П. Жуковская, С. И. Коткова, И. А. Малышевой, Л. И. Шелеповой, О. В. Никитина, Н. В. Глухих, А. Ю. Козловой, М. А. Малыгиной и др.

Исследование духовной книжности XVII века стало возможным за счет двух факторов: сохранности отдельных экземпляров и осуществленным в XX веке переизданиям, открывшим эти источники для широкого круга ученых.

Материалом исследования является славянский печатный Псалтырь, оригинал которого относится ко второй половине XVII в., а описываемое издание выпущено в начале XX века.

Объектом исследования стали тексты, составляющие Псалтырь, изданный в 1906 году: сам сборник псалмов, представляющих собой молитвенные, хвалебные или покаянные песни, а также его введение, заключение и многочисленные пояснительные комментарии от составителей-переписчиков, имеющие познавательный (в религиозном плане) и поучительный характер.

Предмет анализа – лингвистические особенности этого памятника на различных языковых уровнях: графическом, орфографическом, фонетическом и лексическом.

Целью исследования выступает многоаспектный лингвистический анализ вышеперечисленных текстов, включенных в славянский печатный Псалтырь, изданный в начале XX века. В работе особое внимание уделяется номинативным единицам Псалтыря – ввиду ограничения объёма работы именно этот уровень языковой системы избран в качестве приоритетного для детального анализа.

Задачи обусловлены этой целью:

1. Изучить научную литературу по теме исследования, обобщив представленную в ней информацию.
2. Дать историко-культурную и археографическую характеристику исследуемого издания Псалтыря как источника, отразившего общественные и языковые движения периода издания.
3. Проанализировать графико-орфографическую и фонетическую системы памятника, выявив особенности употребления надстрочных

символов и пунктуационных знаков, а также отражения произношения букв кириллицы и их вариативности.

4. Показать оригинальность изучаемого источника на примере номинативного уровня языка.

Работа базируется на методах лингвистического источниковедения, описательном и сравнительно-историческом методах. При анализе языковых единиц применяются методы контекстуального и компонентного анализа, а также элементы количественного анализа для демонстрации частотности грамматических форм.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые анализируется ранее не изученный письменный памятник. Структурные и языковые особенности данного источника до настоящего времени не становились предметом специального рассмотрения.

Выявление и классификация графических и грамматических вариантов, присутствующих в изученном памятнике начала XX века, позволяют по-новому взглянуть на сложившиеся в науке представления о графико-грамматической организации церковнославянского языка XVII столетия. Именно в этом и заключается **теоретическая значимость** работы.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов исследования в преподавании истории русского литературного языка, исторической грамматики, лингвистического источниковедения и филологического анализа текста в высших учебных заведениях. Кроме того, данные исследования могут найти применение при составлении исторических словарей и комментариев к изданиям богослужебных книг.

Структура квалификационной работы: введение, три главы, выводы по главам, заключение, список использованных источников и приложения – фотографии, иллюстрирующие особенности Псалтыря как печатного издания, а также структурированного содержания глав, составляющих книгу.

ГЛАВА 1. АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕЧАТНОГО ПСАЛТЫРЯ НАЧАЛА XX В.

1.1 Псалтырь как материал научного исследования

Псалтырь входит в число древнейших церковно-канонических книг, которые были переведены с греческого на славянский язык. Псалтырь представляет собой сборник псалмов, комментариев к ним и назиданий по их прочтению. С. С. Аверинцев даёт следующее определение: «Греческое слово *psalmos* (“псалом”) буквально означает “бряцание по струнам”; другое греческое слово *psaltērion* (“псалтырь”) появляется впервые у Филона Александрийского (I в. до н. э. – I в. н. э.) – “арфа”» [19]. В духовной и повседневной жизни русского народа Псалтырь занимала исключительное место. На протяжении истории этой книге выделялось несколько ключевых функций в образовании и духовной жизни.

Прежде всего, Псалтырь активно применялась как в практике богослужения в храме: псалмы вошли в повседневные, воскресные, праздничные и частные службы; на Руси это употребление перешло от Православной Восточной Церкви после принятия христианства. Позже Псалтырь стал главной учебной книгой – образование носило церковный характер и осуществлялось под руководством духовных лиц. Кроме обучения грамоте, Псалтырь учили читать и для того, чтобы понимать учения веры и богослужения, формировать духовность и нравственность, подготавливать будущих священнослужителей. Важно отметить, что заучивание Псалтыря наизусть считалось показателем образованного человека. Тот, кто смог прочесть и заучить Псалтырь в глазах общества казался способным читать и другие тексты: книги, документы, личную переписку. Даже княжеские и царские дети учились по Часослову, Псалтырю и Деяниям Апостольским. Мнения о необходимости использования Псалтыря в образовательных целях можно найти в разных источниках:

1. В послании к митрополиту Симону (XV в.) Геннадий, архиепископ Новгородский рассуждает о проблемах образования и приходит к выводу о том, что в учении человеку могут помочь два источника – азбука и псалтырь: «<...> а мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ, первое азбука граница истолкована совѣмъ, да п подтителные слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко...» Изучив эти материалы, человек сможет «чести всякыя книги» [1].

2. В третьем окружном послании (XVII в.) Игнатий, митрополит Тобольский, называет учебной книгой простой Псалтырь, который также называют малым: «по сей же книге (так называемой Кирилловой книге) издахуся псалтыри в полдестъ (в четверть листа), нарицаемыя учебныя, учахуся бо дети по таковым книгамъ Божественныхъ Писаний чтению» [27].

3. В предисловии к славянской грамматике (XVIII в.) Мелетий Смотрицкий в качестве причины издания этого труда упоминает то, что «издревле российским детоводцемъ обычай бе и есть учити дети малыя в началу азбуце, потомъ же часословцу и псалтыри» [46].

Позже особенно набожные люди начали читать Псалтырь дома. В обиходе русского человека Псалтырь использовался не только как молитвенный текст, но и как назидательная, а порой и душеспасительная книга. Показательно, что даже великий князь киевский Владимир Мономах в своём «Поучении» призывает читателя в минуту душевной смуты и особой нужды обратиться именно к текстам Псалтыря [69, с.8]. Обыкновенным считалось чтение псалмов над страдавшими тяжкими болезнями и даже над теми, кого считали одержимыми нечистыми силами. Псалмы читали и при погребении усопших, а потом и в третий, девятый и сороковой день после похорон, так как чтение псалмов воспринималось как молитвы об упокоении души.

Нет ничего удивительного в том, что Псалтырь был одной из самых востребованных книг не только на Руси, но и у других славянских народов и в других культурных и религиозных традициях. Его многочисленные

рукописные и печатные списки давно привлекли внимание исследователей, которые начали свой анализ с толкования.

Изначально этим аспектом изучения занялись святые отцы Церкви – Василий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Иларий и другие – а в XIX в. протоиерей Григорий Разумовский написал труд под названием «Объяснение священной книги псалмов», в котором разобрал историко-социальный контекст каждого псалма, его символическое и духовное значение, функции в церковном богослужении. Сергей Аверинцев в своих трудах исследовал первый псалом с точки зрения его роли в контакте между Богом и человеком.

В XX в. изучение Псалтыря продолжилось, однако уже не только ради трактовки. Изначально ученые сосредоточили свое внимание на ранних памятниках: глаголическом Синайском Псалтыре (XI в.), кириллических рукописях – Евгениевской, Бычковско-Синайской, Слуцкой, относящихся к XI в. Более поздние Болонская (XIII в.), Киевская (XIV в.), Буслаевская (XV в.) рукописи также являлись предметом исследования. Затем в поле зрения исследователей попали и менее известные рукописи, а также печатные книги.

В истории изучения славянской письменности сложилось несколько ключевых направлений. К первому можно отнести описание рукописных и печатных памятников, которому посвящены труды И. И. Срезневского [61; 62], Ф. И. Буслаева [6]. Второе направление фокусируется на палеографическом и лингвистическом анализе, которые проводили Е. Ф. Карский [31], В. Н. Щепкин [74], Р. Н. Кривко [36], Е. М. Верещагин [7]. Третье направление составили работы по созданию словарей и грамматик на славянском материале, среди которых выделяются исследования А. Х. Востокова [13], А. И. Соболевского [60]. Параллельно с этим велось изучение художественного оформления рукописных и печатных памятников, что отражается в работах Зацепина [25], Т. Е. Ухова, С. А. Клепиков [67], А. Н. Свирина [55], И. П. Каратаев [30]. Важным

аспектом также стала структурирование и каталогизация книжных фондов, которые проводили В. А. Погорелов [52], А. С. Зернова [26], Л. П. Жуковская [23].

Важно отметить, что в последнее десятилетие исследовательский интерес всё активнее смещается в сторону печатных изданий Псалтыря. В фокусе современных работ оказываются, с одной стороны, состав и типология печатных сборников (исследования А. В. Вознесенского [8; 9; 10; 11], Г. Е. Седовой [56]), а с другой – лингвистические особенности разных изданий, в первую очередь – морфологические и лексические расхождения между ними (работы Д. В. Фролова [70], Н. В. Мурзиной [48], О. Б. Юсовой [77]).

Как подчёркивает в своих трудах Ф. Б. Людоговский, невозможно составить полное представление о церковнославянском языке, если не провести сплошной анализ тех богослужебных текстов, которые находились в реальном употреблении в соответствующий период [40, с. 28]. В свою очередь, изучение Псалтыря и любых других памятников конкретной эпохи требует обязательного обращения к языковым особенностям этих источников.

Никоновские реформы привели к разделению Псалтыря на старомосковскую и новомосковскую (синодальную) редакции. Последняя сохранила способность к языковой эволюции, и именно на ее базе впоследствии возникали новые сочинения. Старомосковский же вариант застыл в своих формах и представлен исключительно печатными текстами, появившимися не позже 1650-х годов. Их сохранность до наших дней обеспечена прежде всего подъемом типографского дела в XIX веке и, как следствие, активными перепечатками ранних источников.

Именно в таком контексте особую научную значимость приобретают псалтырные сборники первой половины XVII века, запечатлевшие язык в переломное время – период систематической правки канонических книг и масштабных языковых изменений.

1.2. Палеографическое описание памятника

Палеографический анализ – важный этап в изучении любого книжного памятника. Как отмечает В. Н. Щепкин в своей работе «Русская палеография»: «Палеографический анализ позволяет определить время и место создания рукописного или печатного памятника по особенностям почерка, орнамента, бумаги и других внешних признаков» [74]. В конце печатного издания Псалтыря расположены сведения об издании сборника, в которых упоминаются правители государства, при которых был издан первоначальный вариант и переиздан вариант, который и является предметом нашего исследования. Кроме того, фиксируются даты выпуска и перевыпуска.

«Во славу сѣю , единоу цню , животворяща и неразделима
тѣи , оца , и сѣи , и сѣи дѣи : повелѣніемъ бѣгочестивѣйшаго ,
самодержавнѣйшаго , великаго гдѣ нашего , императора николая
александровича всея россіи : прислужитъ сѣи , бѣгочестивѣйшей гдѣи ,
императрицѣ александрѣ федоровнѣ <...> бѣгословеніемъ сѣишаго
правительствующаго сѣи , начата бысть печатаніе сѣи бѣгословенна
книга псалтырь , ѿ тисненіемъ , въ царствующемъ великомъ градѣ
москвѣ , при сѣотропцко введенской цркви , въ тѣпографіи сѣиновѣрцевъ ,
въ лѣто ѿ сотвореніа мира 7241 , ѿ рѣтѣ же по плоти бѣа слова 1898 ,
индикта 1 , мѣа декабря въ 5 день , на память прѣнаго оца нашего
внѣшны сѣиша замѣрнаго . совершена же бысть того же лѣта , мѣа майа
въ 11 день , на память сѣаго апла сѣиша , и сѣаго мѣиша сѣиша , изъ книги
псалтыря же , напечатаннаго въ толи же црствующемъ градѣ москвѣ , въ
лѣто 7241 , мѣа декабря въ 5 день . въ 1 лѣто бѣгочестивѣи державы
црства гдѣ црѣи и великаго кнѣа александра михайловича всея россіи . въ 1
лѣто патріаршества оца сѣи и бѣа мольца кѣиша исаѣи , патріарха
московскаго и всея россіи . »

Из информации, представленной в заключительной части книги следует вывод, что материалом нашего исследования является Псалтырь 1906 г. (начало XX в.). Это издание представляет собой перевыпуск более раннего славянского Псалтыря 1646 года. Оригинал появился в период

второго этапа знаменитой книжной реформы, которую проводили при патриархе Иосифе с 1642 по 1652 год. Тогда перед справщиками стояла глобальная задача – подготовить к печати в Московском государстве полный свод библейских книг. Основная идея этой работы сводилась к унификации славянских рукописей с греческими первоисточниками и устранению накопившихся между ними расхождений [51].

До наших дней дошло лишь несколько подлинных экземпляров славянского печатного Псалтыря XVII века, которая создавалась в эпоху книжной справы. Эти редкие книги сегодня хранятся в крупнейших российских собраниях, а именно в фондах Государственного исторического музея, Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина и Государственной библиотеке им. Ленина. Данное издание зафиксировано в общем своде кириллических книг, подготовленном известным библиографом А. С. Зерновой [26].

Анализ выходных данных исследуемого Псалтыря позволяет точно установить место и исторический контекст его создания. Книга была напечатана в Москве, в типографии единоверцев, располагавшейся при Свято-Троицкой Введенской церкви. Данная типография представляла собой уникальное явление в истории русского книгопечатания XIX века. Учрежденная в 1818 году по указу Святейшего Синода по инициативе митрополита Московского Филарета, она имела специальное разрешение печатать богослужебные книги по старопечатным (дониконовским) образцам, которые сверялись с оригиналами из синодальных библиотек [26].

Печатный учебный Псалтырь начала 20 века представляет собой сборник, который делится на две части: наставления и рекомендации по чтению и практическому применению книги, а также гимнографические тексты, псалмы (см. Приложение 1).

По своим внешним признакам Псалтырь представляет собой книгу, размерное соотношение которой 220 x 170 мм. Сборник включает в себя 129

тетрадей, каждая из которых состоит из 4 сшитых между собой листов. Подобный размер – «в четвертую долю листа» – в русской документации XVII столетия именовался «полудесятью». Книга насчитывает в общей сложности 516 листов, но, стоит отметить, что титульный лист в изучаемом Псалтыре отсутствует. Памятник включает в себя два счета листов – в соответствии с каждой частью. В правом нижнем углу листа проставлена буквенная фолиация, сигнатуры же расположены внизу по середине. Таким образом, пронумерованы как отдельные листы, так и тетради. На всех листах имеются поля: слева – 25 мм, справа – 50 мм, снизу – 70 мм, сверху – 30 мм.

Переплет у книги отсутствует, в следствие теплового и временного воздействия края листов повреждены, что является результатом пожара. Можно также отметить следы от перелистывания, подклейку и сшивание некоторых тетрадей, владельческие пометы XX-XXI вв., сделанные карандашом.

Тексты Псалтыря напечатаны на бумаге, импортированная из Франции. Страну производства позволили определить филигранные – кувшин и геральдическая лилия, расположенная в щите (см. Приложение 2). В первой половине XVII в. в различных документах часто встречается филигрань «Лилия» («бумага царева венца»): трилистник с опоясывающим кольцом под короной, заключенный в геральдический щит. Такое изображение имеет типично французское происхождение. Ещё более распространённым и частотным знаком в тот период становится филигрань «Кувшин» («бумага под травкою», «бумага под оловенником»), которая импортировалась в большом количестве начиная с 80-х гг. XVI в., сохраняя свою популярность вплоть до 40-х гг. XVII в. Приобретение бумаги осуществлялось через купцов в Москве. В начале XX века в распоряжении крупных типографий часто оказывались запасы неликвидных или долго хранившихся материалов. Один из возможных источников подобных запасов – склады прежних типографий, которые закрылись или сменили

профиль [74]. Сама же бумага плотная, желтоватого цвета, гладкая на ощупь.

Текст Псалтыря набран типографическим шрифтом. При печати применялись чернила двух цветов – черного и красного; такое цветовое решение для богослужебных изданий XIX – начала XX века было общепринятым для оформления. Красная краска, изготовленная, вероятнее всего, из киновари – сернистой ртути, выполняет акцентную функцию, выделяя важные структурные и декоративные элементы (заголовки, начальные буквы-инициалы, концовки, колонтитулы, маргиналии как отдельные пометы, помещенные на полях), на которые следует обратить внимание читателю.

В художественном оформлении книги отчетливо проступают черты старопечатной стилистики, сформированной еще в период становления книгопечатания на Руси. Эта особенность характеризуется устойчивостью декоративных форм, повторяемостью элементов и сочетанием типографических и графических приемов.

Отличительной приметой служит растительный декор – ветви, травы, цветы, лозы, ягоды. Подобный флористический мотив свойственен всем декоративным элементам книги: рамкам, заголовкам, инициалам-буквицам, заставкам. Заставки, открывающие собой крупные разделы, как правило, заключены в прямоугольные рамки. Изобразительный ряд преимущественно выдержан в черно-белой гамме, лишь отдельные элементы отпечатаны красным. Объемность декоративных элементов достигается за счет использования штриховки и различной плотности наложения краски при печати.

Стоит подчеркнуть, что все перечисленные признаки старопечатного стиля характерны для более раннего времени – со второй половины XVI века до первой половины XVII века. Позднее прямоугольные рамки в иллюстрациях стали появляться все реже, а позже исчезли совсем. Им на

смену пришел барочный орнамент, совмещенный с растительной традицией [74].

Одна из самых важных деталей оформления – это гравюра, где изображён библейский царь и пророк Давид. Она полностью выдержана в едином художественном ключе со всем памятником: фигура святого окружена чёрно-белыми растительными узорами, которые обрамляют пространство кельи, причём вся композиция заключена внутрь прямоугольной рамки [74]. Изображение Давида наглядно демонстрирует единство декоративных старопечатных принципов – от орнамента до композиции сюжетной иллюстрации.

При исследовании данного памятника с лингвистической точки зрения большое значение имеет его графическая сторона. Изготовление книги выполнялось с помощью типографской печати, которая в самом издании получила маркировку «48 тиснение». На страницах присутствуют заглавные и строчные буквы, начальные орнаментальные символы (буквицы и инициалы), а также надстрочные знаки и пометы. Величина знаков нижнего регистра равна примерно 50 мм. Каждый лист включает до пятнадцати рядов и колонтитулы. На боковых полях источника присутствуют заметки разного характера, цифровые обозначения строк псалмов.

В рассматриваемом Псалтыре, датированном началом XX столетия, обнаруживается практически вся совокупность знаков кириллической азбуки. Отсутствуют лишь две графемы – «большой юс» и йотированная форма буквы «е». Некоторые литеры встречаются в нескольких вариантах начертания. К примеру, круглое и змеевидное «з», узкое и широкое якорное «е», обычная «w» и греческая «w», а также широкого, узкого и обычного «о». В исследуемом книжном памятнике также широко применяются дублетные буквы: и/ї, о/ω, я/ѧ, ѱ/у, в/ѵ, ф/ѳ, з/з. То, какая именно форма из пары будет употреблена в конкретном случае определяется несколькими факторами. Среди них – место графемы внутри слова (начальная,

серединная или конечная позиция), её окружение (соседство с гласными или согласными звуками), необходимость различать слова с одинаковым звучанием (омонимия), а также происхождение слова.

1. Для начала слова характерно употребление широких вариантов букв – «О» и «Ѡ», что являлось особенностью книжной графики XVII в. Узкий же вариант «о» употреблялся вместо обычного без строгой системы – по преимуществу из соображений экономии места при наборе «тесных» строк.

отрочаѣ [56, 1:1], ѿже [56, 1:1], ѿстѣствѣ [56, 1:65], ѿчи [56, 2:128], ѿцѣ [56, 2:149], ѿсмы [56, 2:149], ѿблаеть [56, 2:196], ѿсть [56, 2:284], ѿгнь [56, 2:289], ѿкажннаго [56, 2:327], ѿи [56, 2:331], ѿдине [56, 2:333], ѿтхоѣю [56, 2:344], ѿбщемѣ [56, 2:341], ѿдноумершаго [56, 2:353].

2. Распределение графем «Ѧ» и «Ѧ» в тексте Псалтыря подчинено позиционному принципу: в начале слова выступает «Ѧ» (ѦвнѦтъ [56, 2:7], Ѧзыцы [56, 2:89], ѦрогѦтъ [56, 2:150], ѦкѦ [56, 2:383]), тогда как в середине или в конце слова используется «Ѧ» (бѦлаѦщаго [56, 2:383], октѦбрѦ [56, 2:301], ѡбратѦтъ [56, 2:270], падѦнїѦ [56, 2:270]).

3. С самого начала книгопечатания за диграфом «уу» закрепились начальная позиция в слове. В XVII в. его употребление было поставлено в зависимость от ударения: «уу» стал соответствовать ударному слогу. В остальных позициях используется графема «у».

оҮЧАТЪ [56, 1:1], оҮХИЦРАЮЦИҮ [56, 1:64], МОҮДРІН [56, 1:63], оҮБѦ [56, 1:70], соҮТЬ [56, 1:70], лҮНОҮ [56, 2:11], оҮДИВИ [56, 2:42].

4. В графике Псалтыря сосуществуют две хронологически различные нормы употребления «ї». Более поздняя норма предписывает писать «ї» перед гласными: *Ѹченїе* [56, 1:1], *Ѹчїю* [56, 2:40], *ноцїю* [56, 2:61]. Более ранняя, архаичная норма, восходящая к древней традиции, требует постановки «ѡ» в заимствованных лексемах безотносительно к последующему звуку, что демонстрируют примеры: *Ѳїладелѣѡ* [56, 1:49], *їзраїль* [56, 2:18], *їѡакъ* [56, 2:83]. Нарушением этой архаичной нормы являются написания: *иуда* [56, 2:84], иногда – *иаковъ* [56, 2:112].

5. В текстах Псалтыря буква «з» представлена двумя начертаниями: привычным круглым «з» и архаичным змеевидным «z». История их сосуществования восходит к южнославянской рукописной традиции XIV в., когда наряду с «з» возникли новые формы «в», «е», «ж» и «т» [74]. В великорусских изводах оба варианта употреблялись параллельно до середины XVIII в. При этом за «z» постепенно закрепились определённые позиции: он стал использоваться в качестве второй буквы в сочетаниях двух «з», идущих подряд. В Псалтыре эта закономерность также прослеживается: *беззаконїѡ* [56, 1:260] – *беззаконницѡ* [56, 2:52] – *беззаконновашѡ* [56, 2:179], *воззѡбѹ* [56, 2:29].

6. С первой половины XVII в. в приставках и предлогах закрепляется норма употребления «ѡ» на месте «о». Псалтырь начала XX в. воссоздаёт эту норму, следуя оригиналу, с которого и был перепечатан: *ѡ пограбленїи* [56, 1:85], *ѡдержашѡ* [56, 2:22], *ѡчюждени* [56, 2:81], *ѡ мнѣ* [56, 2:96], *ѡ тебѣ* [56, 2:127].

7. Буква «Ѡ» также употребляется в приставках и предлогах: Ѡ тебе [56, 1:7], Ѡстави [56, 1:7], Ѡнихъ [56, 1:47], Ѡ цркви [56, 2:22], Ѡмене [56, 2:48], ѠверзѸ [56, 2:69].

8. Орфография Псалтыря сохраняет написание «Ѧ» в корнях целого ряда слов: гнѣвъ [56, 1:47], плѣненіе [56, 2:18], прегрѣшеніихъ [56, 2:92], хотѣніа [56, 2:161], до зѣла [56, 2:181], заповѣдей [56, 2:181], хлѣба [56, 2:193].

9. Для наречий и союзов в позиции конца слова характерно написание «ѡ» и «ѣ». В Псалтыре эта особенность представлена многочисленными примерами: какѡ [56, 1:1], твѣрдѡ [56, 1:47], ѡкѡ [56, 2:142], такѡ [56, 2:5], прѡмѡ [56, 2:54], малѡ [56, 2:51], мирнѡ [56, 2:48], скорѡ [56, 2:50], мнѡ [56, 2:53].

10. В тексте Псалтыря встречается междометие «Ѧ», записанное с помощью торжественной формы омеги. Графическая выразительность этого начертания не случайна: она призвана усилить речь, привлечь внимание читателя, передать скорбь, воодушевление или другие оттенки эмоций, заложенные в тексты псалмов.

Ѧ гдѣ ѡзбави дшю мою [56, 2:170].

Ѧ гдѣ спаси же , Ѧ гдѣ поспѣши же [56, 2:172].

11. В корневой морфеме заимствованных слов, особенно в именах собственных и топонимах, регулярно используются буквы, восходящие к греческому алфавиту:

— «Ѧ»: ѡнъ [56, 2:68], ѡковъ [56, 2:76], ѡворъ [56, 2:130], ѡмонъ [56, 2:130], ѡдѡпѡ [56, 2:95].

— «Ѧ»: ѡ ѡндорѣ [56, 2:122], ѡлима [56, 2:209], ѡрей [56, 2:166].

народ» имеет в начале слова графему «н», а **ѡзыкъ** в значении «орган речи, речь человека» – графему «ѡ».

3. Ещё одной функцией дублетных букв было стремление воспроизвести греческое написание заимствованных слов. В древнегреческом языке согласные «ф» (ферт) и «θ» (фита) изначально передавали разные звуки, однако после перехода этих слов в славянскую языковую среду их произношение стало одинаковым – как русский звук [ф]. Тем не менее на письме различие сохранили, следуя греческому оригиналу [64, с.19]. Примерами служат: финеешь [56, 2:157] - Φινεες, финикъ [56, 2:137] – φοίνιξ; ѡаворъ [56, 2:130]- Ѡαβωρ, матѡей [56, 1:22] - Ματθαῖος, тимѡей [56, 1:24] - Τιμόθεος, каѡисма [56, 2:315] – κάθισμα.

Наряду с формирующейся орфографической нормой в тексте наблюдается вариативность в написании и употреблении букв.

1. В начале слова наряду с широкими начертаниями или диграфами встречаются и обычные формы букв, что свидетельствует о незакреплённости орфографической нормы.

«Ѡ/ѡ»: Ѡчи [56, 2:14] – ѡчи [56, 2:20], Ѡрѡжїѡ [56, 2:11]– ѡ орѡжїѡ [56, 2:30], Ѡбачѡ [56, 2:43] – ѡбачѡ [56, 2:56]. Широкая «Ѡ» появилась в московских изданиях только в 1640-х гг., поэтому употребление обычной «ѡ» в начале слова, как более привычное, продолжало сохраняться.

«ѡу/ѡ»: ѡуслыша [56, 2:7] – ѡслыша [56, 2:20], ѡупованїѡ [56, 2:18]; – ѡпованїѡ [56, 2:56], ѡутверди [56, 2:73] – ѡтверди [56, 2:137], ѡученїѡ – ѡченїѡ [56, 1:5].

2. При частотном в тексте сочетании двух «з», где второй элемент обычно представлен змеевидным «ѣ», встречаются и варианты с двумя круглыми «з»: без'законїѡ [56, 2:77] – беЗзаконїѡ [56, 2:104] – безъзаконїѡ [56, 2:162]; воз'зову [56, 2:29] – воз'зову [56, 2:125].

3. Вариативность «з» и «s» в тексте Псалтыря не ограничивается начальной позицией корня, а распространяется также на его середину и конец. Такую особенность демонстрируют следующие пары:

svѣrїѣ [56, 2:71] – zvѣrїe [56, 2:211];

svѣzды [56, 2:196] – zvѣzды [56, 2:209]– zvѣzды [56, 2:11] ;

slata [56, 2:178] – zlata [56, 2:314];

knasи [56, 2:67]– knazи [56, 2:32];

mnwsи [56, 2:6] – mnosи [56, 2:30] – mnozи [56, 2:184];

nosѣ [56, 2:30] – nozѣ [56, 2:57];

jesлz [56, 2:31] – jezлz [56, 2:165];

brasи [56, 2:35] – brazи [56, 2:59];

droysи [56, 2:54] – drozи [56, 2:200];

stesи [56, 2:63], steza [56, 2:110].

Подобное написание буквы «s» в корневой морфеме (не в начальной позиции) уходит корнями в старославянскую книжную практику. Там данная графема возникла на месте праславянского звука *g в результате действия второй и третьей палатализации (смягчения заднеязычных согласных) [37, с.92]. В XVII столетии, когда проводилась масштабная книжная справа, употребление «s» внутри корня (как в срединной, так и в конечной позиции) на некоторое время вновь появляется в рукописных и печатных текстах. Тем не менее в последующем этот графический элемент последовательно вытесняется привычной буквой «з», что закрепляется в более поздней печатной практике.

4. Вариативность в заимствованной лексике проявляется в нескольких группах дублетных букв. Встречаются разночтения:

— между «ї» и «н», а также между «v» и «н»: *ѣгvпeтѣ* [56, 2:154] – *нaд ѣгvптoмѣ* [56, 1:49], *мoуvей* [56, 2:154]– *мoнeй* [56, 2:157], *иaкoвѣ* [56, 2:18]– *вo иaкoвѣ* [56, 2:112].

— между «ф» и «д»: *ѡ нaнфoуmѣ* [56, 2:55]– *ѡ нaн,д,уmѣ* [56, 2:85], *ѣфїѡплaнe* [56, 2:102]– *ѣ,д,їoпїa* [56, 2:95].

— между «ѡ» и «ѡ»: *ѣлeѡмѣ* [56, 2:32]– *ѣлeѡмѣ* [56, 2:65]; *ѡнoвѣ* *кoрeѡвѣ* [56, 2:62]– *ѡнѡвѣ кoрeѡвѣ* [56, 2:64], *ѡ сѣѡтѣ* [56, 1:53]– *сyббoтѣ* [56, 1:67].

5. В тексте Псалтыря фиксируются случаи написания «н/л» на месте «л» в позиции после гласной: *вo иaкoвѣ* [56, 2:112]– *иaкoвѣ* [56, 2:154], *нaвлaд* [56, 1:49], *oудoбьствoмѣ тoлкoвaнїa* [56, 1:53], *нa лнтѣргїaхѣ*, *нa ѣктeнїaхѣ* [56, 1:29], *гoлїaфa* [56, 2:212], *лѣкїaнѣ* [56, 1:51], *вeнїaмнѣ* [56, 2:94].

Истоки мены «л» на «н/л» восходят к болгарским говорам, тогда как в русской письменности это явление позже закрепилось уже в качестве графической черты, сосуществуя с восточнославянским вариантом [74, с.119].

6. В тексте встречаются также немногочисленные окказиональные замены. Среди них: *oмoчю* (с префиксальным «о» вместо «ѡ») [56, 2:9]; *вeзѣ* *ѡцїa* (с начальной «ѡ» в корне) [56, 1:51]; *змїй*, *злзoрнo* (с начальным змеевидным «з») [56, 2:151]; *иaкoвѣ* (с «н» в середине слова) [56, 2:154]; *aмa* (с начальным «л» вместо «н» или «л») [56, 2:11].

Уже примерно к середине четырнадцатого столетия основным местом для редуцированных гласных «ъ» и «ь» становится конечная позиция в

слове. Как отмечает Л. В. Вязикова в своей работе, посвящённой отражению редуцированных букв Ъ, Ь в рукописях XV века: «В сильной позиции на месте Ъ и Ь пишутся буквы О, Е, что соответствует живому произношению того времени, в слабой позиции буквы редуцированных чаще употребляются в предлогах, где сохраняется правило конца слова, и в суффиксах, где на стыке морфем после падения редуцированных оказались труднопроизносимые группы согласных» [15].

В текстах Псалтыря начала XX века конечный согласный всегда сопровождается «ъ» или «ь», если только он не вынесен над строку в качестве выносной буквы: рече^т [56, 2:171] – речетъ; людѣ^ѣ [56, 2:12] – людѣмъ; ѡпова^х [56, 2:15] – ѡповахъ; трїѡ^ѣ [56, 2:213] – Трїодѣ. Вместо «ъ» нередко употребляется паерок (надстрочный знак): тѣомъ' [56, 2:28], вѣдѣт' [56, 2:83], низложилъ' ѣи [56, 2:84], преходат' [56, 2:110].

В тексте Псалтыря фиксируется вариативность в написании приставок и предлогов: редуцированные «ъ» и «ь» могут как присутствовать, так и отсутствовать.

воз'браню [56, 2:58], нз'бра [56, 2:44], ннз'ложн [56, 2:83] – возведе [56, 2:57], воѣхотѣа [56, 2:57], нсѣтоша [56, 2:30], ѡбѣаши [56, 2:20] – подхатѣа [56, 2:39] – нзѣти [56, 2:40]; снмъ [56, 2:23] – ѣ'нмъ [56, 2:114], прѣднмн [56, 2:102] – прѣд'тобою [56, 2:73], вморн [56, 2:110] – в'землю [56, 2:31].

Морфемная граница корня и суффикса в Псалтыре нередко маркируется редуцированными «ъ» и «ь». Особенно часто они встречаются в двух группах суффиксов.

Во-первых, в суффиксе –ъск-/–ъск-: ѡрдан'ѣи [56, 2:60], мор'ѣаа [56, 2:66], людѣскнхъ [56, 2:95].

Во-вторых, в суффиксе –ѣств-/–ѣств-: *разныѣствѹ*^Т [56, 1:59], *единѣствено*^Д [56, 1:3], *в'лѹкаѣствѣа* [56, 1:104], *црїѣ земьстїи* [56, 2:68] - *црїѣ зем'стїи* [56, 2:147], *богат'ства* [56, 2:51] - *богатыство* [56, 2:69].

Однако в тексте представлены и альтернативные варианты оформления этих суффиксов. Редуцированный может подвергаться вокализации в «е» (суффиксы –еск– и –еств–): члѣеки^х [56, 2:16], влечекаа [56, 2:56], мнѡжество [56, 2:103], велнчествїе [56, 2:101]. Возможна и полная утрата редуцированного, что демонстрируют пары: сердце [56, 2:88] – сердце [56, 2:104], царствїа [56, 2:95] – црѣствїа [56, 2:207]; полѡкавствѣ [56, 2:37] – лѡкавство [56, 2:77]; юнѣцы [56, 2:29] – маса юнча [56, 2:71]; сильнее [56, 2:74] – силныѣх [56, 2:23]; сѡдѣба [56, 2:20] – сѡдѣбы [56, 2:23].

Такая множественность вариантов свидетельствует об отсутствии единой орфографической нормы в области оформления суффиксальных морфем.

В корневой морфеме редуцированные «ъ» и «ь» в тексте памятника являются редким явлением. К числу немногочисленных исключений относятся: мыкѣ [56, 2:43], соньмѣ [56, 2:95], перыстѣ [56, 2:39]. Паерок же, напротив, получил широкое распространение. Он используется для разделения удвоенных согласных внутри корня: ам'монѣ, лс'нрѣ [56, 2:122], при алѣзандрѣ мам'меѡвѣ [56, 1:51], нс'сопомѣ [56, 2:73]. При этом возможно и полное отсутствие «ъ» (без замены на паерок), о чём свидетельствуют примеры: сож'же^T [56, 2:66] – рл³жжено [56, 2:183].

К числу отличительных графико-орфографических черт текстов, входящих в состав Псалтыря, также можно отнести:

1. Фиксацию церковнославянского варианта *жд на месте общеславянского *dj (чюждь [56, 2:96], прежде [56, 2:106], сждѣ [56, 2:107], дрождѣ [56, 2:108], виждь [56, 2:119], в'жажди, вождеде [56, 2:217]), при которой русское *ж становится редкостью (ѡтверженіе [56, 2:99], одежею [56, 2:165]).

2. Встречающаяся вариативность в употреблении «ъ» и «ь» после шипящих и [ц]: моѡжь [56, 2:42] – моѡжя [56, 2:45]; дѡѡ – дѡѡ [56, 2:45]. Традиция маркировать твердость конечных [ж] и [ш] буквой «ъ» утверждается в письменности на рубеже XIV–XV веков, тогда как для аффрикаты [ц] аналогичная практика закрепляется лишь в XVI столетии. В результате сосуществование в изучаемом сборнике разновременных графических приемов становится отражением контаминации более ранней и более поздней орфографических традиций.

Применительно к заимствованной лексике в исследованных текстах отмечены следующие фонетические изменения:

1. При освоении заимствований славянскими языками нередко происходило усечение конечного согласного либо флексивных элементов:

олтарь [56, 1:45] – алтарь (лат. altarium);

агѣлз [56, 1:41] – ангел (др.-греч. ἄγγελος);

кнр [56, 1:48] – господин (др.-греч. κύριος);

псалмоц [56, 1:59] / псаломз [56, 1:15] – псалом (др.-греч. ψαλμός);

ересъ [56, 1:24] – (др.-греч. αἵρεσις).

2. В заимствованных словах фиксируется также перемещение ударения в сравнении с греческим оригиналом:

полѣслоу'цз [56, 1:13] – многомилостиво (др.-греч. πολυέλεος);

анаѡ'ма [56, 1:41] – проклятие, клятва (др.-греч. ἀνάθεμα);

лр'ти'рїа [56, 1:65]– гортань, трахея (др.-греч. ἀρτηρία) [19; 20].

Диакритические (надстрочные) обозначения, служащие одной из отличительных черт церковнославянской книжности, присутствуют в изучаемых источниках в своем полном наборе. К ним относятся:

- 1) акцентные знаки – оксия, вария и камора;
- 2) символ придыхания – звательцо;
- 3) комбинированные символы – исо и апостроф;
- 4) титла – простые и буквенные;
- 5) выносные литеры и паерки;
- 6) дасия, указывающая на краткость над буквой «и»;
- 7) астериск, называемый звездочкой.

Три акцентных знака, используемые в церковнославянской письменности, – оксия, вария и камора – различаются только на письме, то есть визуально, графически, не имея фонетического содержания. Начиная с середины XV в. за оксией (острым ударением) закрепляется позиция над гласным, находящимся в начальной или срединной позиции (вѣ зако'нѣ [56, 25:], ѿкрѹши'лѣ [56, 2:7]); напротив, вария (тяжелое ударение) проставляется над гласным в конечной позиции (на пѹти' [56, 2:5], стопы' моѡ' [56, 2:57]).

В отличие от оксии и варии, камора помещается не над гласной буквой, а в пространстве между гласным и идущим за ним согласным, выполняя тем самым просодическую функцию не на уровне отдельного звука, а на уровне слога в целом. Если проследить историческую динамику употребления этого знака, то можно заметить значительные изменения. В XI–XII веках камора служила для обозначения слогов, содержащих палатальные (мягкие) согласные. К концу XIII столетия её функция смещается на маркирование слогов с сонорными согласными. В XIV веке камора начинает использоваться как полный эквивалент оксии (острого

ударения). Наконец, в XVI веке этот знак применялся для передачи звуко сочетания [о̣] либо дифтонгического характера произнесения гласного [34, с.244-254].

В Псалтыре начала XX века строгие правила постановки каморы отсутствуют, что видно на примерах: поѸтъ [56, 1:5], соѸтъ [56, 2:14], сыне [56, 1:2], дѣво, лѣто, тѣло, каѣте [56, 1:3]. Различительная функция каморы (разграничение омонимических грамматических форм) появляется лишь в церковных изданиях XVIII в.

Важно отметить, что в текстах Псалтыря ударение проставляется над знаменательными частями речи. При сочетании с энклитиками встречаются две модели. В одних случаях ударение получает каждое слово: оѸлы́ша ма́ [56, 2:20], исповѣ́мъа́ ти́ [56, 2:40]. В других – ударение ставится только на первом слове, тогда как энклитик остаётся без ударения: ищѣли́ ма [56, 2:9], ищѣ́ви ма [56, 2:8], возлюблю́ та [56, 2:21], сказа́хъ ми [56, 2:19].

В сборнике нашли отражение две акцентологические традиции. С одной стороны, сохраняется древняя закономерность, характерная для церковного произношения Московской Руси XVI – XVII вв., при которой ударение в словах с энклитиками падает на проклитик [66, с.359]: ѿ́ рода [56, 2:14], ѿ́ бѣ́а [56, 2:23], ѿ́ мѸ́жа [56, 2:25], ѿ́ вѣ́ка [56, 2:33], ѿ́ слѸ́а [56, 2:167], во́ вѣ́ки [56, 2:39], во́ вре́ма [56, 2:5], на́ люде́хъ [56, 2:7].

С другой стороны, встречаются случаи с «привычным» для церковнославянского языка ударением на знаменательном слове: ѿ́ сѣ́ти [56, 2:40], ѿ́ вра́гъ [56, 2:22], ѿ́ дохнове́ніа [56, 2:23], ѿ́ горы́ [56, 2:7], во Ѹ́тѣ́хъ [56, 2:8], на на́сѣ, на ло́жихъ [56, 2:7]. Таким образом, фразовое

ударение в памятнике отражает особенности великорусского извода церковнославянского языка.

Система надстрочных знаков в Псалтыре включает специальные обозначения для начальных и конечных гласных. Придыхание (звательцо) ставится над начальными гласными независимо от ударения: ѿ'бнноѡаѡа [56, 2:16], н'ѡдѡ [56, 2:26]. Если начальный гласный является ударным, используется комбинированный знак исо (придыхание с ударением): ѡѡ'ѡѡ [56, 1:1], н'ѡѡ [56, 2:5], ѡѡ'ѡѡѡѡ [56, 2:8], ѡ'ѡѡ [56, 2:14]. Для обозначения ударного конечного гласного служит апостроф, сфера применения которого строго ограничена краткими формами личных местоимений: н" [56, 2:11], а" [56, 2:6], ѡ" [56, 1:4].

Из-за того, что границы между словами в фонетическом отношении не всегда очевидны, знаки, предназначенные для начала слова, иногда оказываются в середине: ѡѡ'ѡѡѡѡ [56, 2:8], ѡѡѡ'ѡѡѡѡѡѡ [56, 2:14]. В единичных случаях наблюдается избыточное употребление нескольких надстрочных знаков в одном слове, как, например, в ѡѡ'ѡѡѡѡѡѡ [56, 1:50]. Такая акцентологическая особенность может быть вызвана тем, что имя собственное «Иуст» было ошибочно истолковано наборщиком как сочетание двух слов.

В изучаемом памятнике используется три типа сокращений: простое титло, буквенные титла (с выносными буквами «с», «о», «г», «ч») и добро-титло (выносная «д» без знака сокращения). Простое титло традиционно применяется к сакральной лексике (*nomina sacra*) и частотным в употреблении словам: ѡѡѡ [56, 2:60], ѡѡѡ, ѡѡѡѡ [56, 2:85], ѡѡѡѡ [56, 2:73], ѡѡѡ [56, 2:25], ѡѡѡѡѡ [56, 2:61], ѡѡѡѡ [56, 2:5], ѡѡѡѡ [56, 2:6], ѡѡѡѡ [56, 2:84], ѡѡѡ [56, 2:71], ѡѡѡѡѡ [56, 2:47], ѡѡѡѡ [56, 2:52], ѡѡѡѡ [56, 2:1], ѡѡѡѡ [56, 2:74], ѡѡѡѡ [56,

2:60], цѣковѣ , дѣвы [56, 2:65], иль [56, 2:73], члѣкъ [56, 2:55], елѣнце [56, 2:151], дѣнь [56, 2:54], шлѣомъ [56, 2:125], воекърѣеніе [56, 2:90].

Буквенные титла с выносными «с», «о», «г», «ч» встречаются в таких примерах, как ѣ [56, 2:12] – ѣ [56, 2:5], хрѣте, нѣный, прѣно [56, 2:1], прѣчѣтаа [56, 2:10], млѣть [56, 2:58], мѣъ [56, 2:120], тѣца [56, 2:2], прѣкъ [56, 2:10], по еѣлѣн [56, 2:29], ѣ [56, 1:22]. Добро-титло (выносная «д») представлено в словах: ѣца [56, 2:1], ѣко [56, 2:2], ѣце [56, 2:5], ѣтъ [56, 2:64], прѣбнѣн [56, 2:39], ѣла [56, 1:16], прѣтча [56, 2:12].

Характерной особенностью Псалтыря начала XX века является вариативность в способах сокращения одного и того же слова (ѣ [56, 2:12] – ѣ [56, 2:5]; еѣеніе [56, 2:14] – еѣнѣ [56, 2:205]; воекърѣеніе [56, 2:90] – воекърѣнѣ [56, 1:45]), а также параллельное употребление полных и сокращѣнных форм (члѣкъ [56, 2:55] – чѣловѣкъ [56, 2:56], нѣное [56, 1:22] – на небѣх [56, 1:30]; мѣнѣъ [56, 2:11] – млѣденѣа [56, 2:26]; ѣце [56, 2:58] – въсердѣцы [56, 2:75] – ерѣдѣце [56, 2:146]; млѣть [56, 2:58] – млѣсть [56, 2:83]; ѣрѣлѣмъ [56, 2:187] – во ѣерѣлѣмѣ [56, 2:99]). В этом проявляется начавшаяся, но ещё не завершенная тенденция к графическому различію сакрального, соответствующего сокращѣнному написанію, и профанного, переданного полным написаніем.

Использование выносных букв в исследуемых текстах подчиняется не орфографической традиции, закреплѣнной за конкретной лексемой, а возникает как своего рода «разрѣшаемое отступленіе» при наличии в словѣ определенного сочетанія знаков. Употребленіе выносных литер мотивировано главным образом стремленіем сжать печатный матеріал и рационально использовать пространство книжной страницы. Иначе говоря,

перед нами средство скорее полиграфического, нежели собственно лингвистического порядка. В качестве надстрочных знаков используются согласные:

— без ножки: д, м, х, т;

— без покрытия: з, ж, д;

— с покрытием: б, в, к, л, н, р, ь, ц, ч.

В тексте Псалтыря выносные буквы преимущественно выполняют функцию конечных согласных – либо префикса, либо целого слова. Среди них выделяют ряд наиболее частотных:

1. Буквы «м», «х» и «т» относятся к числу наиболее частотных выносных. Они используются для сокращения флексий имен и глаголов во всех косвенных падежах [74, с.171]. В тексте это подтверждается примерами: оучителѣ^м [56, 1:1], в' печалѣ^х [56, 2:14], непорочны^х [56, 2:51], поману^х [56, 2:60], призове^м [56, 2:27], приѣмле^т [56, 2:70], пра^х [56, 2:5], бра^т [56, 1:72].

2. Выносные буквы «д» и «з» регулярно встречаются в двух позициях. Во-первых, в составе предлогов и приставок (над-, раз-, воз-, под-, из-, без-): на^д звательными писмены [56, 1:3], на^д дѣлы [56, 2:11], пре^дстани^д [56, 2:8], пре^длицемъ [56, 2:25], по^д нозѣ [56, 2:12], ра^згноу^дтїе [56, 1:48], ве^звремени [56, 1:48], во^згоритѣа [56, 2:6], ни^зходаціи [56, 2:31], до и^збытка [56, 1:71]. Во-вторых, в конце слов: обра^з [56, 1:44], по пра^з – по праздниство [56, 1:13].

3. К числу менее употребительных выносных букв относятся «ж», «к», «б», «в», «л», «н», «р», «с», «ц», «ч», «ш», «». Например, хлѣ^б [56, 2:146], сыно^б [56, 2:126], милости^б [56, 2:166], оу^чта^б [56, 1:22], поклоно^б

[56, 1:26], мо^{δж} [56, 1:15], помощни^в [56, 2:171], пат^о [56, 1:18], вѣнча^д, покорн^д [56, 2:9], ѿноба^д [56, 2:184], зако^н [56, 2:26], покло^н, ѿдн^н [56, 1:10], пѣснѣ^ц [56, 1:53], в'конѣ^ц [56, 2:9], варва^р [56, 2:168], полїсlew^г [56, 1:15], ѿла'мо^г [56, 1:55], гла^г [56, 2:8], про^ч – прочее [56, 1:12], бол^л – большой [56, 2:313], ка^о – кафисма [56, 1:14].

Важно отметить, что позиция букв не ограничена концом слова, они могут располагаться и в середине: ст^хры [56, 1:30], оу^трени [56, 1:16], ѿвѣ^зды [56, 2:196].

Функция выносных букв в большинстве случаев сводится не к смысловому сокращению слова, а к его графическому «укорочению». Это достигается за счёт меньшего размера надстрочных букв и отбрасывания конечного «ъ» или «ь». Тем не менее, в некоторых случаях происходит реальное сокращение – опускается конечная буква или целая часть слова. Примерами таких сокращений служат: ле^б – *Левит* [56, 1:34]; ѿа^д – *псалом* [56, 2:313]; ѿпоу^г – *отпустит* [56, 1:10]; чн^г – *Числа* [56, 1:34]; а^дона^г – *Афонасий* [56, 1:55]; григо^р нн^г – *Григорий Нисский*; васиЛ веЛ – *Василий Великий* [56, 1:59]; тоЛ – *толкование* [56, 1:44], оу^ттрѣ^н – *утреня* [56, 1:16], лн^г – *лист*, на обо^р – *на обороте* [56, 2:213], пнѣ^д – *понедельник* [56, 1:14].

Стоит отметить, что встречаются и случаи, при которых над строкой выносятся две буквы. Такие случаи не такие частотные. Например, в^пн^длнѣ^н – *в понедельник* [56, 2:213], прѣ^здникω^б [56, 1:12]. Кроме того, конечные выносные буквы встречаются и в словах, которые уже имеют титло: воикѣ^сω^хо^д ѿ хр^гто^д [56, 1:44].

Следствием широкого употребления выносных букв в Псалтыре становится графическая нестабильность написания слов. Одна и та же

лексема может представлять в нескольких обликах: ѿѿ^T [56, 2:213] - ѿѿѿѿ^B [56, 1:22] – ѿѿѿѿѿѿѿ [56, 1:14]; вѣ^Ч [56, 2:16] - вѣѣ^P [56, 2:14] – вѣѣѣѣѣѣѣ [56, 2:27]; ѿѿѿѿ^П – ѿѿѿѿѿѿѿѿѿ [56, 1:16]. Даже при идентичной выносной букве возможны расхождения: пнѣ^А [56, 1:14] – пнѣѣѣѣѣѣѣѣѣ [56, 1:16]; пѣѣ^В [56, 1:14] – пѣѣѣѣѣѣѣѣѣ [56, 2:18].

В исследуемом Псалтыре начала XX века прослеживаются архаичные элементы в наборе и графическом облике выносных букв, которые ведут своё происхождение от традиций книжного дела второй половины XV столетия [74, с.123]. К их числу относится, во-первых, вынос надстрочных букв «д», «ж», «з», «м», «т», «х» без использования покрытия. Во-вторых, в тексте встречается надстрочная «т» без ножки – начертание, которое получило распространение только с XVI века. В-третьих, в памятнике наблюдается затитловка (покрытие титлом) отдельных букв.

Дасия (или «краткая») представляет собой диакритический знак, который указывает на краткость произношения гласного и употребляется только над буквой «и». В изучаемом памятнике применение этого знака чётко ограничено рядом грамматических категорий. Краткая ставится над конечной гласной «и» у существительных (например, «андрѣй», «крѡвѣй» [56]), у местоимений («тѡй», «мѡй», «сѡй», «тѡй», «сѣй» [56, 1:3]) и у глаголов в повелительном наклонении («пѡй», «пѡйте», «стой», «стойте» [56, 1:3]). В то же время дасия не используется у полных прилагательных («вышнѣи», «великиѣи», «нѣбснѣи» [56]) и у причастий настоящего времени («дѣлаѣи», «ходаѣи», «глѣѣи», «кленыѣи» [56, 2:18]). Следовательно, наличие или отсутствие этого надстрочного знака служит в тексте Псалтыря грамматическим дифференцирующим маркером.

Норма написания «й» во всех указанных выше случаях будет закреплена в церковнославянском языке только в синодальный период.

В тексте исследуемого Псалтыря астериск представляет собой шестиконечную звездочку, расположенную над строкой. Он используется в трех основных функциях.

Первая функция – знак сноски. Астериск отсылает читателя к примечанию на полях, где содержится поправка или пояснение к неясному месту. Например, на поле рядом со словом *восток* поставлен астериск, а в примечании дается его истолкование как *полунощь* [56, 1:73].

Вторая функция – маркер выделения. Астериск, помещенный на полях, привлекает внимание к определенному предложению в тексте.

Третья функция – обозначение дополнительных листов. Одна звездочка (астериск) или три звездочки (астеризм) указывают на листы книги, которые не входят в основную нумерацию.

Система знаков препинания в славянском печатном Псалтыре начала XX столетия отличается крайней ограниченностью. В ней насчитывается всего три пунктуационных маркера: точка (выступающая в двух вариантах – большой и малой), запятая и точка с запятой. Крупная (большая) точка служит для обозначения границы завершённого смыслового отрезка: после неё следующее предложение обязательно начинается с заглавной буквы. Малая точка не требует такого строгого правила – последующее высказывание пишется со строчной. По своей роли малая точка оказывается близка к точке с запятой, а в некоторых контекстах выполняет функции, аналогичные запятой или даже двоеточию в современной русской пунктуации.

Глѣтъ во дѣдѣ , потерпи гдѣ и сохрани пѣти ѿгн . ѿ вознесетѣ тѣ
ѿже наслѣдного дне вставити беспѣнїѧ псалтырнагн . [56, 1:71].

Подобнѣ же ѿ сѣын ѿсїѧ оучитѣ симѣ послѣдѣющимъ , глѧ сїце . да
не не раднши ѿзапочѣхъ бжїихъ , занеже не перваѧ твоя согрѣше нїѧ
простѣтѣѧ . [56, 1:43].

В исследуемом Псалтыре знак «точка с запятой» носит особое название – «вопросительная» – и выполняет функцию вопросительного знака: Гдѣ , что ѿ множиша стѣжающѣи ми ; мнози востанутъ на мѧ [56, 2:6].

Запятая в тексте полифункциональна. Она может выступать в роли собственно запятой, а также заменять тире или двоеточие:

Гдѣ рече комнѣ , снѣ мой ѿси ты , азъ днесь родихъ тѧ [56, 2:6];

На гдѣ ѡповѣ , какѡ речетъ дшн мой , прѣвитай по горамъ ѡкѡ птица . [56, 2:15].

Скудный репертуар пунктуационных средств, зафиксированный в Псалтыре XX столетия, напрямую связан с тем, что русская система знаков препинания складывалась исторически достаточно поздно. На протяжении длительного периода письменные тексты вообще не содержали разделительных маркеров: в письменных текстах слова на протяжении длительного времени либо писались слитно, без пробелов, либо делились на совершенно случайные отрезки. Самым первым знаком препинания стала точка, которая начала употребляться лишь в конце XV столетия. Затем, в начале XVI века, появилась запятая, а несколько позднее – точка с запятой.

Значимой вехой на пути упорядочения пунктуации стала деятельность Максима Грека, который в XVI столетии предпринял первую попытку осмысленно расставлять знаки препинания в зависимости от смысла. Согласно его рекомендациям, точка должна была сигнализировать о завершении целого высказывания. Запятая (именовавшаяся также иподиастоли) предназначалась для обозначения паузы, необходимой чтецу для перевода дыхания. Точка с запятой (иподиастоли с точкой) использовалась как маркер вопросительной интонации.

Следующий значительный шаг в развитии пунктуационной системы произошёл на рубеже XVI–XVII веков, когда были изданы печатные грамматики, авторами которых выступили Лаврентий Зизаний и Мелетий

Смотрицкий. Благодаря этим работам в письменный обиход вошли новые знаки препинания [45]. Некоторые из них – например, двоеточие, а также восклицательный знак, называвшийся в ту пору «удивительная», – в дальнейшем были заимствованы и прочно вошли в церковнославянскую языковую традицию.

В исследуемом тексте немногочисленные знаки препинания полифункциональны, и определить значение конкретного знака подчас затруднительно.

Пунктуация учебного Псалтыря XX века отличается свободой и факультативностью: один и тот же синтаксический элемент может как выделяться знаками препинания, так и не выделяться. Например, обращение в одних случаях сопровождается запятой (ѿбоѣ члѣстїи, доколѣ тяжкосердїи [56, 2:7]), а в других – нет (Подобаетъ оубѣ вамъ СѦ оучителїе вѣдѣти, какѡ вамъ младыхъ детей оучити бжественнымъ писменѣмъ [56, 1:1])

Отмеченная ограниченность пунктуационного аппарата, сохранявшаяся ещё с периода иосифовской книжной справы, в дальнейшем была устранена. В синодальную эпоху произошло значительное обновление оформления псалмических текстов: репертуар знаков препинания расширился, а правила их постановки стали более чёткими и регламентированными.

Выводы по главе 1

Подводя итог археографическому описанию изучаемого памятника, можно констатировать, что сделанные на основе палеографического анализа наблюдения полностью подтверждают заявленную датировку источника. Исследуемая Псалтырь 1906 года представляет собой переиздание печатного оригинала 1646 года, относящегося к эпохе иосифовской книжной справы, когда перед справщиками стояла задача

унификации славянских книг с греческими первоисточниками. Книга отпечатана в московской типографии единоверцев при Свято-Троицкой Введенской церкви на бумаге французского происхождения, о чём свидетельствуют филигранные «кувшин» и «геральдическая лилия». Поскольку исследуемый экземпляр представляет собой переиздание более раннего книжного образца, в нём запечатлелись черты сразу двух хронологических слоёв: графико-орфографические особенности, восходящие к XVII столетию, и элементы полиграфического оформления, характерные уже для XX века. Те языковые сдвиги, которые происходили в 1640-е годы, разворачивались на фоне двух тесно переплетённых культурно-исторических процессов – греческого воздействия и юго-западнорусского влияния.

В ходе анализа графико-орфографической стороны изучаемого материала удалось установить следующие закономерности.

Во-первых, выбор конкретной буквенной формы и её начертание определяются позицией знака внутри слова (под ударением, перед гласным звуком, в стечении согласных), а также происхождением лексемы (заимствования из греческого и других языков). В памятнике представлен практически полный кириллический алфавит; широко применяются дублетные буквы, выполняющие функции маркирования отрицательной семантики, разграничения омонимов и передачи греческого написания. Фиксируется вариативность начертаний.

Во-вторых, непременным требованием к оформлению текстов церковно-канонической литературы выступает использование надстрочных маркеров: ударений (оксия, вария, камора), знака придыхания, их комбинированных вариантов (исо и апостроф), титл, выносных литер, дасии и астериска. Титла применяются к сакральной лексике, выносные буквы подчиняются типографско-экономическому принципу.

В-третьих, в памятнике фиксируется вариативность как в написании отдельных букв, так и в расстановке диакритических знаков. Это

проявляется в чередовании широких и обычных форм в начале слова, в сосуществовании двух норм употребления «і» (перед гласными и в заимствованиях), в вариантах написания сочетаний двух «з», в свободном употреблении «з» и «s» в корневых морфемах, в разночтениях в заимствованной лексике, а также в двух моделях постановки ударения при сочетании с энклитиками и в отражении двух акцентологических традиций.

В-четвёртых, система пунктуации отличается малым числом знаков, их смысловой многозадачностью и в значительной степени свободным (факультативным) характером употребления. В Псалтыре используются большая и малая точка, запятая и точка с запятой. Крупная точка завершает смысловый отрезок и требует заглавной буквы после себя; малая точка такого требования не предъявляет и по функции близка к точке с запятой. Точка с запятой именуется «вопросительной» и выполняет роль вопросительного знака. Запятая полифункциональна: может заменять тире или двоеточие. Ограниченность пунктуационного аппарата объясняется поздним формированием русской пунктуации; в исследуемом памятнике знаки препинания остаются полифункциональными, а их употребление – факультативным.

ГЛАВА 2. СТРУКТУРНАЯ И ЖАНРОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСАЛТЫРЯ НАЧАЛА XX В.

2.1 Типологическая характеристика и состав сборника

Анализируемый нами славянский печатный Псалтырь, вышедший в свет в начале XX в., представляет собой сборный кодекс, включающий разнородные по своему характеру и специфике тексты. А. А. Алексеев, говоря о типологии библейских текстов, пишет: «Славянские библейские тексты в эпоху своего существования были представлены в трех главных разновидностях: служебной, четьей и толковой. Каждая из них имела собственное функциональное назначение, а также особый состав, особые качества текста и собственную историю» [2]. Состав подобных изданий Псалтыря позволяет классифицировать их по типологическому признаку:

— Простой («келейный» или «малый»), который представляет собой издание, содержащее исключительно тексты псалмов, разделённые на кафизмы. Такой Псалтырь предназначен преимущественно для домашнего (келейного) молитвенного служения.

— Следованный / с воследованием является наиболее полным богослужебным типом. Помимо текстов псалмов книга содержит в себе Часослов, различные каноны, месяцеслов, пасхальные таблицы и другие служебные материалы.

— Толковый содержит святоотеческие комментарии и экзегетические объяснения к тексту псалмов. Как правило, в таких изданиях после каждого стиха или псалма помещается истолкование его смысла, составленное на основе творений таких авторитетных отцов Церкви, как Афанасий Александрийский, Феодорит Кирский, Евфимий Зигабен и других.

— Учебный Псалтырь – это тип издания, приспособленный для целей изучения церковнославянского языка и освоения навыков чтения и понимания богослужебных текстов.

Несмотря на значительный объём рассматриваемого экземпляра, его следует классифицировать как разновидность Простого Псалтыря. Главное основание для такой атрибуции – отсутствие Часослова, который, как справедливо указывают многие исследователи (О. П. Лихачёва, А. А. Алексеев, А. В. Вознесенский), выступает ключевым дифференцирующим признаком. При этом важно подчеркнуть, что связь между книжным объёмом и типологической принадлежностью носит лишь приблизительный, а не жёстко детерминированный характер. Простая Псалтырь может быть как очень сжатой (содержать исключительно корпус псалмов), так и значительно расширенной за счёт дополнительных материалов. К числу последних, по замечаниям Н. А. Мещерского, относятся библейские песни и избранные псалмы, а согласно наблюдениям О. П. Лихачёвой – пасхалия и лунник. Подобного рода приложениями в изучаемом нами издании служат тексты, извлечённые из Канонника, Служебника и Типикона, равно как и сочинения (либо их отдельные отрывки), принадлежащие перу авторитетных церковных и духовных деятелей; все они помещены в книгу в учебных целях.

О том, что Псалтырь начала XX века принадлежит к числу учебных, можно судить уже по её первым страницам. Открывается книга специальным вступлением под заглавием «Наставление к учителям», где обосновывается значимость обучения грамоте, излагаются ключевые грамматические правила церковнославянского языка и даются практические советы по организации учебного процесса.

В работе К. В. Мещенко, посвящённой исследованию Псалтыря, которая содержательно совпадает со сборником начала XX века, автор отмечает: «Исследуемый источник является сборником относительно устойчивого состава, поскольку значительная часть текстов (псалмы – библейские песни – избранные псалмы), их наличие, место, порядок расположения в сборнике в целом соответствует традиции оформления Простого Псалтыря. В сборник также включены тексты, выбор которых

обусловлен не столько традицией, сколько необходимостью решать практические задачи в образовательных и церковных сферах в определенный исторический период и при определенных общественно-политических и культурно-исторических условиях (наставления, каноны сборника, указание «како писати имена в синодики» и т.д.)» [46].

Тексты, составляющие Псалтырь, могут быть условно разделены по функциональному принципу на три категории:

1. Поучительные: «Наставление к учителям», «Сказание о псалмах».
2. Уставные: «Устав о поклонах», «Устав о коленопреклонении».
3. Гимнографические: псалмы и песнопения.

Комментирующую функцию по отношению к гимнографическим текстам принимают на себя фрагменты уставного либо поучительного склада. Все составляющие сборник материалы объединяются в более крупные текстовые единства, которые в научной практике принято условно именовать «главами» Псалтыря.

Говоря о содержании и композиции, К. В. Мещенко отмечает: «Одни «главы» сборника представляют собой целостное речевое произведение с одной конкретной темой и трехчастным структурным делением (вступление, основная часть, заключение). Другие «главы» имеют раздробленную структуру. Текст обогащен разнообразными компилятивными вставками, цитатами. Главная тема может быть расширена за счет введения новых тем. Такое произведение эклектично, оно включает в свой состав тексты, имеющие тематические, жанровые, структурные различия. Общая структура такого произведения может быть «усеченной»: вступление и основная часть без заключения» [46].

Для результативного исследования композиции текстов в изучаемом сборнике имеет смысл использовать понятие «блок». Указанный термин означает семантически законченную структурную единицу, наделённую в рамках текста строго определённой функцией [17, с.42]. Обычная последовательность блоков представляет собой следующее: вначале

располагается начальный блок (зачин), затем идёт блок, несущий основное содержание, и в конце помещается конечный блок (заключение, или концовка). Именно такое сочетание блоков и отвечает трёхчастной композиционной модели, о которой говорилось выше.

В исследуемом источнике структурные блоки выделяются на трёх разных уровнях.

Первый уровень связан с делением всего сборника как единого целого. Начальный блок здесь образуют тексты уставного и поучительного характера, которые служат комментарием к Псалтырю. Главное смысловое наполнение составляют гимнографические произведения. Завершающим блоком выступают выходные данные о публикации книги.

Второй уровень предполагает деление уже внутри отдельных «глав» источника. Обратившись к устройству Служебного Псалтыря, мы увидим, что начальным и конечным блоками здесь являются особые последования (чины), которые соответственно открывают и закрывают чтение псалмов; блоками основного содержания служат сами псалмы, объединённые в двадцать кафизм. Сходным образом в чине «за единоумершего» начальный блок представлен «Предисловием» – по сути, это «письмо-наставление», адресованное усопшим своему духовному отцу. Основной блок занимает канон. Конечный же блок содержит наставление под заглавием «како писати имена в синодики», где даются указания о грамматически правильном написании имён в особых поминальных книгах.

Третий уровень – это деление на блоки внутри самих отдельных текстов. Данный уровень обладает наибольшей значимостью для изучения структурной организации памятника, поэтому в работе ему будет уделено самое пристальное внимание.

2.2 Композиция начального блока в текстах сборника

Анализ начальных фрагментов (зачинов) текстов, включённых в состав Псалтыря начала XX в., позволяет выявить устойчивые

композиционные модели, характер которых варьируется в зависимости от жанровой принадлежности произведения.

В наставлениях и поучениях начальный блок строится по определённой структурной схеме, которая может включать несколько различных элементов:

1. Первым элементом выступает обращение к адресату. Оно оформляется с помощью нарицательного существительного в звательном падеже – чаще всего по формуле *«Господие и братие»*. Данный элемент выполняет двойную функцию: с одной стороны, он подчеркивает духовное родство между автором и аудиторией, с другой – фиксирует иерархические отношения, принятые в церковной среде.

2. Вторым элементом является обозначение совершённого речевого действия, которое регулярно передаётся лагольной формой *«написахом»* (1-е лицо множественного числа аориста). Это указание на акт письма придает тексту характер документального свидетельства.

3. Третий элемент – этикетные формулы, основанные на христианских ценностях. Наиболее показательный пример – выражение *«простите нас худых»*, которое актуализирует ключевые для православной традиции добродетели: смирение и осознание собственного несовершенства.

4. Четвертый элемент – целевая установка. Цель создания текста формулируется в развернутых конструкциях, поясняющих, какую пользу должно принести сочинение читателям или слушателям. Типичный образец: *«какѡ имъ подобаетъ искусство имѣти въ словесехъ и въ речехъ и въ пословицахъ»*.

Указанные элементы наглядно представлены в зачине *«Наставления ко учителямъ»*:

Господіе ѿ братіе , простите насъ худыхъ , еже ѡубѣ здѣ написахомъ
вкратцѣ ѡучителемъ , ѿже ѡучатъ младыхъ ѡтрочатъ грамотѣ , какъ ѿ насъ
подобаетъ искусство имѣти въ словесехъ ѿ в речехъ ѿ в пословицѣхъ , что

бы ѡученикомъ ѿхъ было въ наѹченіе , ѿ во ѿзвѣщеніе разѹма , а не въ срамъ ѿ въ поносъ , паче же да не въ грѣхъ . [56,1:1].

Несколько иную модификацию зачина демонстрирует «Предисловие пред канонем за единоумершего», где обращение приобретает личностный, почти исповедальный характер:

Дѹховныи мой ѿче ѿ господине , ѿмѣ , сотвори со мною бѣга ради послѣднюю любовь , ѿ млѣтъ синцевѹ . [56,2:352].

Уставные сочинения, в отличие от поучительных, обнаруживают иную композиционную стратегию. Их зачины, как правило, лаконичнее: в них отсутствует прямое обращение автора к аудитории, а этикетные формулы либо редуцированы, либо вовсе не представлены.

Вместо этого значительное место занимает ссылка на авторитетный источник, которая выполняет функцию легитимации выдвигаемых требований и предписаний. Описание такого источника нередко включает этикетные эпитеты и разнообразные художественные средства. Показателен в этом отношении «Устав всем хотящим пети Псалтырь»: *«Богоноснии, и преподобнии и преблаженнии отцы наши, всему миру светила, землении ангели, небеснии человецы...яснее злата искушена сияют и паче снега убелишася...»*. Стержень грамматической организации уставного зачина составляют модальные конструкции, выражающие значение долженствования, – например, «подобает ведати», «должно есть глаголати». Именно благодаря им зачин обретает директивный, повелительный характер: коммуникация между отправителем и получателем текста строится по вертикальной схеме «сверху вниз», а сам текст предъявляет строгие требования к исполнению определённых обрядовых действий.

Произведения гимнографического жанра отличаются жанровым и стилистическим разнообразием. В рамках данной работы мы ограничиваемся рассмотрением начальных стихов псалмов, которые

отражают целевые установки всего произведения. Функциональный репертуар этих начальных стихов включает следующие разновидности:

1. Просьба, призыв, мольба. Данная функция реализуется через глагольные формы повелительного наклонения, выражающие обращение к Богу с просьбой о помощи, защите или исцелении: «Помилуй мя...», «Спаси мя...», «Сохрани мя...», «Услыши...», «Изми мн...»

2. Утверждение ценностных ориентиров. В данном случае исходный стих задаёт нравственную систему координат посредством описания конкретного жизненного уклада либо через оценку человека с позиции его благочестия. Примеры из текста: «Блажен разумевай на нища и убога...», «Блажени непорочнии в путь...», «Рече безумен в сердце своем...» Таким образом, с самого начала вводится эталонная модель поведения или, напротив, осуждаемый тип мировосприятия.

3. Побуждение и наставление. Если мольба обращена к Богу, то данная функция адресована непосредственно читателю либо слушающему. Её цель – склонить человека к определённым поступкам или к определённому образу мыслей. В отличие от просьбы, направленной ввысь, здесь имеет место обращённое в сторону наставление. Иллюстрацией служат следующие фрагменты: «Не ревнуй лукавнующим...», «Внемлите людие мои закон мой...»

4. Вопрос. Вопросительные конструкции в начале псалма служат для выражения недоумения, скорби или риторического размышления. Наиболее частотны вопросительные слова: «Вскую...», «Доколе...»

5. Выражение надежды. Данная функция передает уверенность псалмопевца в Божественном заступничестве и покровительстве. Типичные формулы: «На тя... уповах», «Услышит тя , защитит тя...»

6. Свидетельство веры. Данная функция нередко сопровождается эмоциональным усилением, которое призвано подчеркнуть неподдельность и глубину религиозного переживания. Типичный пример: «Исповемся тебе,

Господи, всем сердцем моим». Здесь само сердце выступает не просто органом, а символом искренности и тотальности веры.

7. Восхваление и прославление. Начальный стих может открываться прямым актом славословия Богу, который задаёт всей последующей речи торжественную, хвалебную тональность. В качестве характерных глагольных маркеров выступают: «Вознесу тя...», «Благословлю...», «Благослови...», «Милости воспою», «Хвалите...» Каждый из этих глаголов запускает определённую модель хвалы – от личного вознесения до коллективного славословия.

8. Сравнение. В ряде случаев начальный стих строится на основе развёрнутого сравнения, цель которого – сделать зримым, пластически ощутимым духовное состояние человека. Классический пример: «Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к тебе Боже». Здесь жажда оленя, стремящегося к водному источнику, становится прозрачной метафорой тоски человеческой души по Божественному присутствию.

Перечисленные выше разновидности инициальных стихов могут встречаться как в «чистом», неосложнённом виде, так и в разнообразных комбинированных формах, когда в пределах одного вступления сочетаются сразу несколько смысловых функций. Это позволяет создать многомерное, богатое оттенками смысловое пространство в начале псалма. Показательный пример – двадцать шестой псалом, где органично переплетаются исповедание веры, выражение упования и риторический вопрос: «Господь просвещение мое и спаситель мой, когося убою?»

Отдельного внимания в составе начального блока заслуживают заголовки текстов. Для изучаемого Псалтыря начала XX столетия характерны пространные, развёрнутые заглавия, которые фактически берут на себя функцию краткой аннотации или даже небольшого предисловия к последующему тексту. Следовательно, заголовок перестаёт быть просто

формальным именованием и становится полноценным смысловым компонентом вступления.

Заголовочные комплексы изучаемого сборника содержат несколько типов смысловых единиц.

Первый тип – это ссылка на авторитетный первоисточник. Такая ссылка может отсылать к церковному уставу («от устава святых соборных и апостольских церкви») либо к творениям святых отцов («и от списания святых отец»).

Второй тип – указание адресата, которое обычно оформляется по одной из двух схем. Согласно первой схеме, последовательно идут: этикетный эпитет, затем апеллятив с указанием иерархической степени, после чего – антропоним (например, «священнейшаго митрополта ираклийскаго, кир никиты, иже сирский»). Вторая схема выглядит так: сперва даётся указание на святость, потом личное имя, а затем апеллятив, обозначающий чин святости или титул (например, «(псалмы) святаго давида, пророка и царя»). Следует подчеркнуть, что в текстах уставного жанра адресат, как правило, отсутствует – всё внимание уделяется исключительно первоисточнику, из которого взяты нормативные предписания.

Третий тип – это сведения о времени и месте, когда и где следует выполнять предписанные действия. Примером служит заголовок: «указ о поклонех, когда бывают в церкви, в келиях и в домах, приходных и исходных поклоны, и когда не бывают».

Четвёртый тип обнаруживается в псалмах; он включает номер псалма, а иногда также историческую подоплёку его создания. Образцом служит заголовок пятидесятого псалма: «псалом давидов, внегда приити к нему нафану пророку, внегда вниде к вирсивии к жене уриеве». Здесь, как нетрудно заметить, кратко описывается та сюжетная ситуация, которая стала поводом к написанию данного псалма.

Таким образом, зачин в исследуемых текстах представляет собой не периферийный, а структурно значимый элемент, во многом определяющий характер восприятия всего последующего текста.

2.3 Структура конечного блока и её жанровая обусловленность

Конечный блок, или концовка, выполняет в тексте функцию тематической и концептуальной смысловой точки. Согласно наблюдениям, отражённым в научной литературе, в этой части произведения обычно подводятся итоги предшествующего изложения, в максимально отчётливой форме формулируются выводы, ставятся новые задачи и проблемные вопросы, требующие дальнейшего разрешения, а также нередко содержатся прямые обращения к читателям [50]. В зависимости от жанровой принадлежности текста структура и состав конечного блока в Псалтыре начала XX в. существенно варьируется.

В текстах поучительного и наставительного характера в состав конечного блока входят следующие компоненты:

1. Призыв к выполнению определенных действий – адресованная читателю побудительная конструкция, направленная на практическую реализацию изложенных наставлений: «учителю сам себе разумевай, а подданных тебе поучай».

2. Пожелание добра, адресованное тому, кто читает или слушает: «да не срам ти будет, и учимым тобою».

3. Обетование награды или кары – данный прагматический компонент стимулирует адресата к исполнению предписаний через обозначение позитивных либо негативных последствий: «от Бога милость и благословение получите, от человек похвалу приобрящете».

4. Завершающая сакральная формула – молитвенное выражение (либо его часть), которое ставит точку в тексте и погружает читателя обратно в религиозный контекст.

Пример развёрнутой концовки из «Наставления ко учителям»:

ⲁ. ѿ семъ же оучителю самъ себѣ разꙋмѣвай , а подданныхъ тебѣ поучай, да не срамъ ти боудетъ , и оучимымъ тобою. И аще иже боудете оучити оучениковъ, за сѣ ѿ бѣа мѣтъ и бѣгословеніе полꙋчите, а ѿ члѣкъ похвалоꙋ прѣвращаете . и оученикомъ боудетъ крѣпость в' азыкѣ, и в' смыслѣ разꙋмъ , и в' реченіи словесъ азыка чистость. его же боуди всѣмъ намъ полꙋчити , благодатию и члѣвколюбіемъ гдѣ нашего іса хрѣта. съ нимъ же оцѣ кꙋпиши слава и со свѣтымъ дхѣмъ, нѣтъ и прѣшъ, и во вѣки вѣкомъ аминь [56, 1:9]

Пример краткой концовки:

ⲁ. аще самъ подвигнешиса ѿ спнѣи дшѣи своѣи исправиши реченнаа , и наꙋчиши заповѣдемъ бжѣимъ , и ѿкрыетъ очи твои , да разꙋмѣеши чюдеса ѿ закона гдѣна [56,1:72].

ⲁ. боуди же здравъ ѿ хрѣтѣ, и спасайса молитвами всѣхъ свѣхъ , аминь. [56,2:355].

Количество компонентов, образующих конечный блок в жанрах поучения и наставления, может варьироваться от одного до четырёх. Наиболее постоянными, встречающимися практически всегда, выступают два элемента: пожелание и сакральная (молитвенная или богослужебная) концовка. Для текстов компилятивного характера, а также для церковных уставов и литургических предписаний характерно иное: заключительная часть здесь либо вовсе отсутствует, либо представляет собой крайне сжатую, иногда даже состоящую из одного слова формулу. Её основное назначение – подтвердить непоколебимость заявленных правил, причём нередко с отсылкой к первоисточнику или иному авторитетному тексту:

ⲁ. творимъ яко же выше оꙋказа [56,1:13];

«... по преданію црковномѹ. вѣа да исправають без'лѣности. Зри канонникѹ листѹ дѹ [56.,1:69].

Как видно из приведенных примеров, в уставных текстах отсутствуют риторические украшения, этикетные формулы и развернутые пожелания. Конечный блок здесь выполняет сугубо прагматическую функцию – закрепление нормы и отсылка к более авторитетному источнику.

Финальные стихи псалмов демонстрируют значительное жанровое и функциональное разнообразие. На основе анализа материала можно выделить следующие типы концовок:

Первый тип фокусируется на идее Божественного воздаяния. Каждый человек предстанет пред судом и получит нечто соразмерное его деяниям, его вере: «путь нечестивых погибнет», «на людех твоих благословение твое».

Второй тип выражение упования. Здесь заключительный стих запечатлевает надежду автора псалма на Божественную защиту и покровительство. В качестве примеров можно привести: «блажени вси надеющиися на нѹ», «якоже уповахом на тя».

Третий тип заключается в прямом обращении к Богу с мольбой о спасении, помощи, заступничестве, избавлении от зла и боли. Типичные формулировки: «спаси... и услыши ны», «избави от скорби», «мужайтесь, и да крепится сердце ваше», «помози нам, и избави нас».

В основе четвертого типа лежит искренность. Слова носят исповедальный характер, являясь прямым отражением веры. Маркерами служат глаголы: «исповемсѹ ти», «благословлю тя», «уповаю на тя».

Пятый тип – обещание жить праведно и постоянно совершенствоваться. Финальный стих может содержать заявление о намерении неуклонно держаться праведного пути и не переставая расти в вере. Примеры: «язык мой поучитсѹ правде твоей, весь день хвале твоей», «блаугождѹ пред Господем во свете живых».

Шестой тип – дублирование высказывания, или амфиминий. Обособленную группу образует концовка, удваивающая предшествующую фразу: «будеть будеть». Это уникальный образец дословной передачи на славянском языке еврейского слова «аминь». Подобное завершение служит ориентиром на более древнее деление Псалтыря на пять частей, что согласуется с древнееврейской богослужебной практикой. Как утверждается в научных трудах, присутствие пятичастного деления говорит об историческом процессе складывания Псалтыря в качестве сборника и о последовательном наращивании её объема [21].

2.4 Организация блоков основного содержания

При изучении композиционного строения проанализированных текстов были выявлены структурные единицы, которые мы обозначаем как блоки основного содержания. Данные блоки традиционно занимают промежуточное положение между вступительной и итоговой частями произведения. Количество таких блоков в исследуемых источниках не имеет строго фиксированного значения: оно может составлять как один элемент, так и несколько связанных между собой смысловых компонентов. При этом каждый последующий блок, как правило, либо продолжает мысль, выраженную в предыдущем, либо вносит необходимые уточнения, либо добавляет новую информацию, либо обобщает уже изложенные сведения. В дальнейшем мы обратимся к рассмотрению смыслового наполнения отдельных текстов, включённых в сборник.

В тексте «Наставления к учителям» обнаруживается четыре крупных тематических блока.

1. Первый блок посвящён характеристике самого учебного процесса. Здесь описываются, во-первых, те пособия, с помощью которых ведётся обучение; во-вторых, основные методические приёмы, используемые учителем; в-третьих, особенности звукового (фонетического) строя речи, на которые следует обращать внимание.

2. Второй – даёт читателю представление об основополагающих грамматических правилах церковнославянского языка. В поле его внимания попадают: дифференциация дублетных букв, типы ударений, а также нормы простановки диакритических знаков (надстрочных символов) и пунктуационных обозначений.

3. Третий блок очерчивает круг обязанностей, которые возлагаются на наставника (учителя).

4. Четвёртый – фиксирует типичные ошибки, наиболее часто возникающие у учеников в ходе освоения грамоты, и, вероятно, даёт указания по их предупреждению или исправлению.

Совершенно по-другому построено «Предисловие», предваряющее канон «за единоумершего». Его композиция распадается на две самостоятельные смысловые части. Первая из них содержит обращение усопшего, который просит о молитвенном ходатайстве и одновременно даёт обещание ответной небесной милости. Вторая часть, в свою очередь, представляет собой развёрнутое описание того, что ожидает человеческую душу после смерти.

Что касается текстов поучительного жанра, то здесь количество выделяемых блоков напрямую зависит от двух факторов: во-первых, от общего объёма произведения, а во-вторых, оно определяется количеством задач, которые автор намерен решить. Смысловое наполнение этих блоков уникально для каждого произведения и не воспроизводится в точности в других текстах. При всём этом разнообразии можно, однако, обнаружить один универсальный компонент, свойственный всем без исключения сочинениям данного жанра. Это аксиологический (ценностный) элемент, который включает два обязательных аспекта: побуждение к добрым делам и обещание заслуженной награды тем, кто этому побуждению последует.

Сочинения уставного типа предлагают иную организацию смысловых блоков.

В «Указах о поклонах» выделяются две основные группы предписаний. Первая группа – это чины, обрядовые действия и молитвословия, регламентированные применительно к разным жизненным обстоятельствам (выход из дома, кельи или храма, пребывание в них и возвращение). Вторая группа – аналогичные предписания, но соотнесённые с разными периодами церковного года.

Текст под названием «Устав о Псалтыре» целиком посвящён одному конкретному вопросу – тому, как именно следует читать Псалтырь на протяжении всего годового богослужебного круга. По своему композиционному строению этот материал оказывается близок ко второму разделу «Указов о поклонах». С целью облегчить восприятие все предписания и правила систематизированы в соответствии с теми временными отрезками, из которых складывается церковный год. Каждый такой временной отрезок при этом может рассматриваться как отдельный, самостоятельный смысловой блок.

В «Собрании изречений о земных поклонах» выделяются четыре смысловых раздела:

- о необходимости совершения земных поклонов;
- о лицах, не соблюдающих установленные правила;
- о Великом посте;
- о коленопреклонении и о соблюдении устава в целом.

В текстах уставного характера блоки основного содержания порой обнаруживают между собой категориальное сходство (например, когда речь идёт о времени или месте выполнения предписываемых действий). Однако в подавляющем большинстве случаев эти блоки не повторяют, а именно дополняют друг друга, предоставляя читателю разносторонние сведения, множественные толкования и альтернативные варианты интерпретаций.

Что касается псалмов, то здесь выделение смысловых блоков зависит от их функциональной направленности. На этом основании выделяют, в частности, молитвенное обращение, благодарение, хвалебную песнь,

назидание, исповедание веры, а также иные жанровые разновидности [14, с.25]. В строении псалма-моления обычно присутствуют три неперенных элемента.

Первый из них – воззвание к Богу, содержащее просьбу о помощи; оно, как правило, сопровождается выражением верности, веры и надежды.

Второй элемент – это контрастное сопоставление двух групп лиц: с одной стороны, праведников, которые удостоиваются помилования и вознаграждения, а с другой – грешников, которые подлежат наказанию.

В-третьих, это описание атрибутов Божества (всемогущество, милосердие, справедливость и т.п.). Важно подчеркнуть, что перечисленные блоки могут обнаруживаться не только в псалмах-молениях, но и в псалмах других жанровых разновидностей, что даёт основание говорить об их универсальном характере.

Эти компоненты нередко чередуются между собой, перемежаются, благодаря чему текст приобретает живость, динамику и высокую эмоциональную напряжённость.

В уставных и поучительных текстах для блоков, несущих основную смысловую нагрузку, регулярно применяются стандартные обрамляющие конструкции – как в начале, так и в конце фрагмента. Самыми частотными среди инициальных формул являются следующие разновидности. Во-первых, это условно-временные обороты, включающие союз «егда» (со значением «когда»): к ним относятся выражения типа «Егда будет время...», «Егда же изыти...», «Егда же придет...», «Егда же прилучится...». Во-вторых, локативные конструкции с «идеже» (в значении «где»), например: «А идеже бывают...». В-третьих, условные обороты с союзом «аще» (в значении «если»), иллюстрациями чего служат «Аще прилучится», «Аще ли же будет...», «Аще несть праздника...», «Аще кто...». В-четвёртых, модальные формулы с глаголом «подобает»: «Подобает ведати...», «подобает же изложити...», «прилично написати о том, како подобает...». В-пятых, информативно-указательные конструкции, образцом которых

выступает «Ведомо же буди...». В-шестых, директивные обороты, например: «Зрите же о сем...», «всяк да зрит и внимает...».

Начальные формулы в исследуемых текстах реализуют целый ряд задач. Они обозначают предмет речи, фиксируют определённые условия (временные, пространственные либо ситуативные), отмечают смену этих условий по ходу изложения и подчёркивают предписывающий, нормативный характер сообщаемых сведений.

Тексты поучительной и уставной разновидностей в значительной степени насыщены вставными элементами и подзаголовками. Эти структурные маркеры расчленяют повествование на отдельные логически завершённые фрагменты, что существенно облегчает восприятие и усвоение материала. Указанные фрагменты могут выступать либо в качестве самостоятельных блоков, либо как составные части более крупных блоков. В пределах одного блока существуют разные способы введения добавочной информации.

1. Первый способ. Автор обращается к типовым начальным формулам, о которых говорилось выше. При этом довольно часто добавляется указание на того, кто совершает действие, особенно когда речь идёт о каких-либо отклонениях от нормы. Для этой цели используется оборот с местоимением «нецыи» (в значении «некоторые»): «А яко же нецыи творят поклоны...», «нецыи же полагают...», «нецыи же глаголют...», «глаголют нецыи не разумеюще». При смысловых переходах активно применяются также выражения: «также...», «также... пишем сице», «сице убо творим», «к сему же и сие zde впишем», «к сему убо zde еще всяк да зрит и внимает».

2. Второй способ. Он заключается в акцентировании ключевых лексем, которые выступают в роли своеобразных указателей на смену тематики. Например: «на полунощнице», «на утрени» и другие подобные временные маркеры.

3. Третий способ. Он предполагает введение в текст цитат и ссылок на авторитетные труды. Перед цитатой, как правило, стоят устойчивые словосочетания с глаголом: «якоже пишет...», «подобно же сему пишет...», «якоже глаголет...», «сице глаголет», «идеже рече...». Сама отсылка к первоисточнику помещается на поля книжной страницы. Цитаты и ссылки могут быть оформлены как самостоятельные подразделы, которые часто имеют заголовки, набранные киноварью (красной краской).

4. Четвёртый способ – разъяснение отдельных элементов текста. В ряде документов сборника встречается специальная помета – слово «толкование», также выделенное красным. Особенно активно оно используется в «Сказании о Псалтыре», где раскрываются так называемые «неразумные словеса псалтырные» – символы и образы, присутствующие в книге. Приведём характерные иллюстрации: «псалтырь» здесь объясняется как ум, «гусли» – как мысли, а «струны» – как персты, и так далее.

5. Пятый способ – вынесение на поля сносок и дополнительных примечаний. Здесь может встретиться слово-указатель «зри», различные варианты написания или прочтения одной и той же лексемы («дѣтвореніе – дѣтотвореніе» [56,1:40]), пояснения («єдину недѣлю, т.е. сырную» [56,1:35], «восток, т.е. полунощь» [56,1:73]), ссылки на цитируемые первоисточники (исхо^Д кѣ – Исход, 23; ле^В кѣ – Левит, 27; чи^С иѣ – Числа, 18 [56,1:34]), а также указания на авторитетных лиц (зла^Т – Иоанн Златоуст [56,1:52], того^Ж – на того же автора [56,1:64]). В самом тексте сведения детализируются с помощью различных слов и выражений, причём особое место занимают глаголы, передающие речь: «глаголет сице...», «глаголет начало...», «таже глаголет...», «посем глаголет...».

Введение дополнительной информации внутри блоков основного содержания, по нашему мнению, подчинено трём главным целям. Первая цель – обосновать и подкрепить доказательствами те исходные положения, которые выдвигаются в тексте. Вторая – обнаружить и зафиксировать те нарушения, которые имеют место в современной церковной практике и

нуждаются в исправлении. Третья цель – продемонстрировать, что исполнение священных обрядов способно изменяться в зависимости от того, где и когда они совершаются, а также от прочих сопутствующих условий.

Если обратиться к завершающим формулам в текстах уставного типа, то их набор оказывается достаточно скудным. В огромном большинстве случаев они представляют собой отсылки к уже сказанному ранее. В качестве характерных примеров можно привести: «и прочее», «и прочее, яко же выше указася», «и прочее, яко же указася прежде», «начало творим яко же выше указася». Подобные выражения, по существу, возвращают читателя к предшествующему изложению и не вносят никаких новых смысловых оттенков.

Выводы по главе 2

Проведённое исследование текстов, включённых в Псалтырь начала XX столетия, позволяет утверждать, что её композиционное построение и жанровый репертуар полностью соответствуют укоренившимся традициям выпуска церковной канонической литературы. Данная преемственность проявляется в одновременном присутствии в сборнике двух типов материала. С одной стороны, здесь фиксируется «устойчивый массив» – совокупность произведений, которые традиционно входят в подобные издания. С другой стороны, имеются и дополнительные тексты, однако их вариативность не переступает границ сложившейся нормы. Именно на основе анализа конкретного набора текстов удалось определить типологическую принадлежность изучаемого памятника – он относится к категории Простого (или Учебного) Псалтыря.

В ходе работы установлено, что анализ структуры данного источника возможен на трёх различных уровнях: на уровне всего сборника как целого, на уровне отдельных его глав и, наконец, на уровне конкретных текстов. Наиболее богатый материал для выводов даёт последний, текстовый

уровень, поскольку он позволяет зафиксировать самые мелкие структурные особенности и жанровые приметы произведений, образующих сборник.

Все тексты Псалтыря были условно разделены на три жанровые группы: поучительные, уставные и гимнографические. Композиционная организация этих произведений обнаруживает значительное разнообразие – встречаются тексты с целостной, с фрагментарной (раздробленной) и с усечённой структурой. Для описания их строения было использовано понятие «блок», которое даёт возможность единообразно характеризовать композиционные единицы независимо от их жанровой принадлежности и объёма.

При детальном рассмотрении начального блока (зачина) подтвердилась его высокая смысловая нагруженность. В зависимости от жанра в состав зачина могут входить: обращение к адресату, отсылки к авторитетным источникам, указание на цель сочинения, а также церковные этикетные формулы. Отдельного внимания заслуживает заголовок, который в ряде случаев функционально сближается с зачином и принимает на себя часть его задач – прежде всего, ориентационную и контекстуализирующую.

Концовка, или конечный блок, встречается в текстах сборника далеко не всегда: она может либо вообще отсутствовать, либо быть свёрнута до краткой формы. В сочинениях уставного и наставительного жанра в концовку обычно попадают следующие элементы: призыв, благопожелание, обетование награды либо кары, а также сакральная (молитвословная) формула, завершающая текст. В гимнографических текстах, в первую очередь в псалмах, финальные блоки содержат иные составляющие: прошение, обетование, выражение надежды, свидетельство о вере и т.д.

Каждый отдельный текст отличается своим набором блоков основного содержания и их смысловым наполнением; единого образца здесь не существует. В рамках проведённого исследования удалось найти и описать типовые формулы начала и конца, которые организуют информационную структуру этих блоков. Кроме того, были

проанализированы основные приёмы, позволяющие осуществлять переход к новой информации внутри блоков: опорные слова, цитирование, отсылки к авторитетным источникам, заметки на полях и истолкования. Все эти элементы в совокупности образуют разветвлённую, но в то же время упорядоченную систему организации текстового материала, которая является характерной чертой церковной канонической книжности начала XX столетия.

Важным наблюдением, сделанным в ходе анализа, стало выявление активного взаимодействия церковнославянского и русского литературного языка в текстах Псалтыря. Несмотря на то, что основой сборника является церковнославянская письменность, она испытывает заметное влияние со стороны русского литературного языка. Это влияние проявляется на разных уровнях: в синтаксисе (упрощение конструкций, приближение порядка слов к нормам русского языка), в лексике (использование русизмов, особенно в текстах поучительного и уставного жанров), а также в стилистике – стремлении к большей ясности и доступности изложения. Таким образом, церковнославянский язык в данном памятнике не предстаёт как изолированная сакральная система, а обнаруживает черты двуязычия, где традиционная каноническая форма адаптируется под языковую компетенцию современника, что свидетельствует о живом и динамичном характере церковной книжности исследуемого периода.

ГЛАВА 3. НОМИНАТИВНЫЕ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ СРЕДСТВА В ПСАЛТЫРЕ НАЧАЛА XX В.

3.1 Специальные номинации в текстах сборника

Псалтырь начала XX века представляет собой не только богослужебный текст, но и важный языковой памятник. Детальное рассмотрение языковых единиц позволяет расширить имеющиеся наблюдения о способах структурно-смысловой организации текстов.

Классификация лексики Псалтыря по происхождению даёт возможность представить её словарный состав как совокупность нескольких взаимодействующих пластов, каждый из которых обладает собственной семантической и стилистической спецификой.

Первую и самую древнюю группу образуют общеславянские слова, перешедшие ещё из праславянского языка. К ним относятся единицы, обозначающие родовые номинации (отец, мать, брат, сын, дочь и пр.), глаголы (разуметь, жить, ходить и пр.), качественные краткие прилагательные (красен, велик).

Вторая группа включает слова, которые являются славянскими по своему происхождению, однако в процессе формирования церковнославянского языка они обрели новые, специфические религиозные значения. Как отмечается в исследовании [47, с.34-35], к таким единицам относятся такие слова, как «Бог» (не просто высшее существо, а именно христианский Бог-отец), «дух» (в том числе Святой Дух как ипостась Троицы), «Спас» (Спаситель, Иисус Христос, сын божий), «блажен» (не просто счастливый, а угодный Богу), «свят» (отдалённый от мира греха). Внешне эти слова могут совпадать с общеславянскими корнями, но их содержание в церковнославянском контексте приобретает особую теологичность.

Третья группа представлена словообразовательными кальками – словами, созданными по греческому образцу путём перевода их частей на

славянский язык. Большая часть этих слов являются сложными по своему строению, образованными путём сложения двух или более основ. Внутри этой группы можно выделить устойчивые модели словообразования. Согласно источнику [71, с.99], среди сложных слов, встречающихся в изучаемом сборнике, широко представлены образования с повторяющимися начальными частями. Наиболее частотны следующие компоненты: благо- (благословение, благоволение, благодеяние), бого- (богоявление, Богородица), законо- (законодавец, законопослушание), человеко- (человеколюбие).

Среди заимствованной лексики в Псалтыре начала XX века преобладают грецизмы, фонетически освоенные славянским языком (адъ, аггль, шаломъ/шалмы, пареміа). Ряд терминов восходит к ивриту, заимствуясь при этом через греческий язык и латынь (субѡта, израиль). Также встречаются немногочисленные тюркизмы (мехъ, телець, тьма).

На словарный состав памятника закономерно воздействуют религиозные нормы и культурно-исторический контекст эпохи. Сам сборник направлен на введение человека в жизнь духовную, приобщая его к православной традиции, которая включает в себя не только богослужение, но и определённые ритуалы, обряды, правила и нормы поведения и систему обучения. В связи с этим при изучении данных текстов особенно важным становится **описание специальных номинаций**. Практика показывает, что именно через такие номинации раскрываются ключевые понятия традиции.

В исследуемом сборнике выделяется особая смысловая группа – **названия письменных источников и церковных книг**.

Первую подгруппу образуют обобщающие наименования, выраженные нарицательными именами. Это могут быть как отдельные существительные («устав», «указ», «изложение», «правила», «писание», «учение» и т.п.), так и устойчивые словосочетания (например, «уставное повеление» или «божественная книга»). Данные лексемы обозначают источники знания в широком понимании.

Вторая подгруппа включает конкретные, единичные названия, представленные именами собственными. Сюда относятся в первую очередь богослужебные книги, такие как «Канонник» и «Триодь», а также учебная литература, к числу которой принадлежит и сама Псалтырь.

При изучении данных номинативных единиц принимается во внимание её категориальное значение, а также производится выделение тематических групп [17, с.98]. Благодаря этим группам в тексте последовательно маркируются уровни устройства традиции, обстоятельства её осуществления и состав её участников.

В первую очередь под **участниками православной традиции** понимаются люди, овладевшие грамотой, умеющие читать духовные тексты, толковать их и постигать их смысл. Именно по этой причине книга открывается «Наставлением к учителям» – разделом, который посвящён вопросам обучения чтению и письму и воспитанию тех самых участников православной традиции. В данном тексте отчётливо обозначены главные действующие лица учебного процесса: с одной стороны, это «учитель», а с другой – «ученики», «младые отрочата» и «дети». То, как эти лексемы функционируют в Псалтыре, позволяет нам составить представление об образовательной структуре.

Во-первых, такие наименования подтверждают существование системы взаимоотношений между наставником и воспитанниками, отражают иерархичность этих взаимоотношений. Учитель выступает лицом избранным, наделённым ответственностью перед Богом, *«иже оучать младыхъ отрочатъ грамотъ, <...> что бы оученикомъ ихъ было в наученіе, и во извъщеніе разума, а не в срамъ и понось, паче же да не в грѣхъ»*. Таким образом, учитель выступает тем, кто должен помочь младому отроку избежать срама и греха в своей духовной жизни.

Во-вторых, данные лексемы предоставляют нам информацию о возрастных параметрах обучающихся. В древнерусской традиции исчисление возраста человека производилось не по годам, а по седмицам.

Понятие «отроча» охватывает возрастной диапазон от семи до четырнадцати лет, что соответствует, соответственно, от одной седмицы до двух седмиц [47, с.33]. Из этого следует важное заключение: приобщение человека к православной культуре и традиции стартовало уже в ранние детские годы, что свидетельствует о непрерывности религиозного воспитания на протяжении всех ключевых этапов взросления.

В рамках рассматриваемой традиции можно выделить ещё несколько типов участников в зависимости от разных критериев.

Во-первых, по образу жизни, следованию духовному пути выделяются две группы, противопоставленные друг другу: «инок» (монах, отшельник, отделившийся от мирской жизни, избрав путь духовного познания) и «мирянин» (обыкновенный человек, относящийся к мирскому). Возникает оппозиция сакральное/профанное.

Во-вторых, с точки зрения профессиональной и служебной деятельности в тексте встречаются:

— имена существительные, обозначающие церковные чины и должности: епископ, иерей, поп, настоятель, псаломщик и пр.;

— субстантивированные прилагательные: мирские и домашние (члены семьи и домочадцы);

— устойчивые словосочетания: церковное собрание, все православные христиане.

Из трёх синонимичных наименований священнослужителей в Псалтыре выступает лексема «иерей», имеющая греческое происхождение – ἱερεὺς, которая в античную эпоху означала жреца, служителя языческих культов. Позднее данное наименование перешло в христианскую терминологию и закрепилось в православной традиции [19]. Лексема «поп» в свою очередь представляет собой общеславянское заимствование из греческого. В современном русском языке данное слово принадлежит к разговорному стилю, однако в исследуемом Псалтыре оно имеет нейтральную стилистическую окраску, что заслуживает особого внимания

[20]. «Презвитер» (допустим также вариант «пресвитер») является древнейшим каноническим термином, который называет вторую ступень христианского таинства священства. Данное слово пришло из греческого языка, где оно служило для обозначения старейшины, главы религиозной общины.

Таким образом, лексические синонимы, связанные с церковной иерархией, подчёркивают богатство и многослойность номинаций, а также отражают преемственность религиозной лексики.

В рамках православного богослужения большое значение придаётся выполнению определённых **обрядовых действий**. В исследуемом сборнике зафиксированы такие названия, как «коленное преклонение», «поклон великий до земли», «метании», поклон обычный в пояс», «поклоны исходные и приходные» (поклон при входе и выходе). Эти термины отражают степень телесного участия верующего в молитве – от лёгкого наклона до полного коленопреклонения.

Значительную часть материалов Псалтыря составляют гимнографические произведения. В сборнике они представлены двумя типами наименований. Первый тип – общие, родовые названия: «кафисмы» («кафизмы»), «паремии», «славословия», «псалмы». Второй тип – конкретные, индивидуальные, представленные в заголовках, указывающих на конкретные тексты: «Тебе подобает», «Хвалите имя Господне», «Блажен муж», «Слава и ныне» и пр.

Между этими двумя типами складываются преимущественно родовидовые отношения. Например, «Блажен муж» представляет собой конкретный псалом, равно как и «Слава и ныне». Встречается и полное смысловое равенство. Так, например, термин «полиелос» (один из разделов утрени) оказывается эквивалентен конкретному песнопению «Хвалите имя Господне». Такая взаимосвязь показывает, что в богослужебной практике названия разделов могло заменять собой начальные слова соответствующего текста.

В исследуемом сборнике для описания процесса выполнения обрядов и воспроизведения священных текстов используются особые глаголы. Эти слова фиксируют как сам процесс чтения духовных текстов, так и порядок действий во время службы: «творити», «прилучитися», «изыти», «стихологисати», «повелевати».

В первой части Псалтыря, которая ориентирована на обучение правильному чтению, устанавливается особая темпо-ритмическая организация, которой нужно следовать: «говорити дебело и тоносно», «просто», «неспешно», «с раздвижением», «разумно», «немпешно», «внятно», «с пригибением уст». Выразительность произносимых текстов находится в прямой зависимости от того, как они исполняются, от их живого звучания – от скорости речи, её ритмического рисунка, расстановки пауз, выразительности и мелодичности голоса. К певцам и чтецам предъявлялись высокие требования.

Среди имён существительных, фиксирующих **пространственные ориентиры**, можно назвать «церковь», «храм», «обитель», «келия», «сени» и даже «путь», который ассоциируется с крестным ходом. К словосочетаниям относятся «домашняя церковь» и «соборная великая церковь», что свидетельствует о широкой распространённости Псалтыря. Окружение во время молитвы и службы – не просто задний план, а важная составляющая духовного действия. Следовательно, пространство играет для православной традиции не менее важную роль.

Цикличность – ключевая характеристика времени в православной традиции. Время делится на суточные, седмичные и годовые «круги», и от этих циклов напрямую зависит, каким будет богослужение. Среди служб, совершаемых в разное время суток, можно назвать утреню, вечерню, литургию и полунощницу. Также выделяются особые религиозные праздники: «воздвижение» (Воздвижение Креста Господня), «неделя антипасхи» (первое воскресенье после Пасхи), «пятидесятница» (Троица) и

прочие. Структура богослужебного года задаётся именно наименованиями этих богослужений и праздников.

Большинство выделенных нами специальных номинаций принадлежат к разделу **церковнославянских терминов**, относящихся к религии и вере. По мнению О.А. Матвеевой, церковнославянский термин – это слово, которое обозначает конкретное понятие в рамках религиозной сферы. Именно благодаря принадлежности к этой области такой термин приобретает ряд **отличительных черт** – в том числе на уровне словообразования, семантики и практического использования [44].

1. Системность, под которой понимается взаимосвязь между значением термина и специальным знанием о сфере христианства и православия. Слова не существуют изолированно, а встроены в целостную систему вероучения.

2. Второй отличительной чертой выступает прагматичность: каждый термин призван выполнять конкретную функцию в определённой области практической деятельности. При этом прагматическая заряженность церковнославянских единиц непосредственно сопряжена с их ориентацией на религиозную веру. Данные слова служат не только для достижения утилитарных целей, но и для удовлетворения духовных потребностей говорящих, то есть они упорядочивают сознание верующего, организуют его особым образом.

3. Многозначность, при которой одно слово в особом контексте имеет разное значение. Например, слово «церковь» может обозначать как храм (здание), так и общину (верующих людей), а слово муж нередко обозначает человека, а не родовую связь.

4. Опора на заимствования из других языков. Это объясняется самой историей возникновения церковнославянского языка: он формируется прежде всего как язык переводов с греческого. Поэтому в нём так много греческих по происхождению слов, а также единиц, пришедших через греческое пространство из других языков.

Таким образом, лексический состав исследуемого сборника представляет собой многоязычный сплав.

3.2 Ономастическая лексика в Псалтыре начала XX века

Имена собственные представляют собой большую и многогранную языковую категорию. Особым разделом лингвистики, предметом изучения которого являются имена собственные (они же онимы), а также закономерности их возникновения, развития и функционирования в языке и культуре, является ономастика.

Имя собственное принципиально отличается от нарицательного: если апеллятив (имя нарицательное) служит для классификации и обобщения, обозначая целый класс однородных предметов, то оним индивидуализирует, выделяя уникальный объект из ряда подобных. При этом, лишенное прямого лексического значения в момент номинации, собственное имя на протяжении своего бытования накапливает обширный экстралингвистический фон – исторические ассоциации, культурные и идеологические смыслы, – становясь своеобразным свернутым текстом и хранителем этнокультурной памяти.

В соответствии с характеристиками называемого предмета – в широком, общекатегориальном смысле – в ономастике выделяется множество разделов, к которым, например, можно отнести антропониимику и топонимику. Именно слова, изучаемые в рамках этих разделов, составляют основной пласт ономастической лексики Псалтыря, являющегося предметом нашего исследования [65].

Топонимику как раздел ономастики исследует наименования различных географических объектов. Разграничим примеры топонимов, упоминающихся в Псалтыре, в соответствии с их классами:

- 1) оронимы (названия форм рельефа):

— названия гор и холмов: *Сион* (холм в Иерусалиме, символ этого города), *Синаи* (гора, расположенная на Синайском полуострове в Египте), *Хорив* (гора в Аравийской пустыне);

— названия пустынь: *Зиф* (часть Иудейской пустыни в районе одноименных городов), *Иудейстей Пустыни* (пустыня из нескольких областей, в которой Давид скрывался от царя Саула);

— название низменностей: *Поле Танеос* (низменность, составляющая окрестности египетского города Таниса);

— названия долин: *Салони Юдоль* (Соленая долина, расположенная к югу от Мертвого моря, где Давид разгромил идумян);

2) гидронимы (обозначения водных объектов):

— потамонимы, именующие реки и ручьи: *Поток Киссове* (ручей в Палестине);

— пелагонимы, именующие моря: *Чермное море*;

3) ойконимы (названия городов и поселений): *Иерусалим*, *Зиф* (два древних города в Иудее), *Геф* (город в филистимской земле), *Селмон* (другое название Иерусалима), *Тир* (крупный торговый город в Финикии), *Аендор* (древнее селение Израиля), *Вавилон* (древний город в Южной Месопотамии), *Москва*;

4) макротопонимы (названия государств, территорий, областей, регионов): *Израиль*, *Египет*, *Средоречье Сирийское* (Месопотамия как часть Сирии), *Васан* (историческая область, расположенная к востоку от реки Иордан), *Ассирия* (древнее государство на севере Двуречья), *Сава* (страна в Аравии, лежащая к югу от Иудеи), *Галаад* (историческая область Древнего Израиля на восточном берегу Иордана), *Россия*.

Антропонимы встречаются в Псалтыре не менее часто, чем топонимы. Эту группу номинаций, обозначающую имена людей, также можно разграничить на основе разных признаков.

По количеству компонентов антропонимы могут быть однокомпонентными (*Лука*, *Давид*, *Адам*, *Голиаф*, *Мелхиседек*, *Зив*, *Орив*,

Ионадав) и многокомпонентными. В состав многокомпонентных антропонимов, зафиксированных в Псалтыре, входят:

— православные чины, указывающие на святость или отношение к церкви как социальному институту: *Апостол Петр, Апостол Павел, Иаков Патриарх, Иезекиил Пророк, Нафан Пророк*;

— номинатор: *Христа Жизнодавца, Григорию Богослову, Иоан Богослов*;

— дескриптор: *Великий Василий, Афанасий Великий, Святаго пророка Исаии, Анна Целомудренная, Иоанн Златоуст*;

— локализатор или этноним: *Митрополит Ираклийский Кир Никита, Мелетий Патриарх Антиохийский, Александр Македонский, Доик Идумейский, Ефаим Израильтянин*;

— государственный титул: *Андреана греческого самодержца; Сиона, царя Амморейска; Ога, царя Васаньска; Благочестивейшего самодержавнейшего великаго государя нашего императора Николая Александровича всея России.*

Приведенная классификация демонстрирует, что ономастическая лексика Псалтыря начала XX века представляет собой не хаотичный набор древних названий и имен, а строго организованную систему, отражающую библейскую картину мира. Обращает на себя внимание явное доминирование сакральной топографии Ближнего Востока, что обусловлено жанровой природой Псалтыря как богослужебной книги. Однако ключевым наблюдением становится включение в перечень макротопонимов названия «Россия». Это включение, отсутствующее в древних библейских текстах, представляет собой сознательную проекцию священной истории на пространство России как православного царства.

Не менее показателен и антропонимический ряд. Наряду с ветхозаветными персонажами (Адам, Голиаф, Мелхиседек) и новозаветными апостолами (Петр, Павел) здесь фигурируют отцы церкви (Григорий Богослов, Иоанн Златоуст), а также конкретные исторические

деятели начала XX века (например, «император Николай Александрович всея России»). Эта формула, насыщенная титулами («Благочестивейший», «Самодержавнейший», «Великий Государь»), указывает на включение светской власти в пространство религии как духовно-культурного института общества. По сути, перед нами акт ономастической канонизации монарха, где государственная иерархия вписана в церковную.

Ономастическая лексика Псалтыря начала XX века выполняет двойную функцию. С одной стороны, она служит инструментом исторической памяти, сохраняя топографию и персоналий библейского мира. С другой – становится мощным идеологическим маркером эпохи: включение топонима «Росия» и развернутого титула правящего императора в корпус псалмов превращает богослужебный текст в манифест содружества церковной и государственной власти.

3.3 Стилистические оппозиции книжных и «некнижных» лексем

Центральным стержнем анализируемой рукописи выступает сборник священных песнопений, объединенных в одну книгу. По своей сути, псалмы являются вневременным, непрекращающимся разговором человеческой души со Всевышним, то есть представляют собой сокровенный диалог между индивидуальным «Я» и вечным «Ты». В этих текстах человек силится осознать и сформулировать предназначение собственного бытия, стремясь к самораскрытию и глубинному изучению своего внутреннего мира. Религиозный гимн обретает звучание высокой поэзии за счёт использования богатого арсенала выразительных средств и тщательного отбора номинативно-тематических пластов. Авторы псалмов обращаются одновременно к своему телесному облику и к миру потаенных душевных движений, образуя неразрывную связь между плотским и духовным. На языковом уровне это отражается в активном использовании соматизмов и эмотивов.

Присутствие соматизмов – лексем, обозначающих части тела человека и связанные с ними понятия и ассоциации – в псалмах далеко не случайно, так как формирование личностного самосознания начинается именно с ощущений, поставляемых органами чувств и физическим телом [63, с. 81].

В исследуемом тексте Псалтыря обнаруживаются разные разряды соматической лексики. Первый разряд включает наименования внешних частей и зон тела: «глава», «очи», «уста», «лице», «зеница» (зрачок), «власы» (волосы), «нози» (ноги), «плесна» (стопа) и другие. Второй разряд составляют слова, обозначающие внутренние органы и кровеносную систему: «сердце», «язык», «утроба», «плоть», «кровь», «чрево». Третий разряд представлен компонентами скелета: «зубы», «кости», «хребет», «бедро». Четвёртый разряд – это номинации, связанная с процессами восприятия: «глас» (голос), «словеса» (слова), «глух», «нем», «узриши» (увидишь), «услыша». Кроме того, в тексте активно используются метафорические обозначения, заимствованные из анатомии животных. Например, «крило» (крыло) символизирует защиту и покровительство, а «рог» – достоинство и духовную силу. Подтверждением служат следующие контексты: «въ крове крилоу твоею покроеши мя» [56, 2:20 об], «сень крилоу» [56, 2:80], «рогъ спасения моего» [56, 2:21 об]. Важно подчеркнуть, что такая метафоризация телесных органов выполняет не просто декоративную, изобразительную функцию. Она формирует архаичную антропологическую модель, в рамках которой человеческое тело осмысливается как своего рода храм – сакральное вместилище духа, где каждая часть имеет не только физиологическое, но и символическое значение.

Значительное более объемную категорию формирует эмотивная лексика, выражающая эмоции и душевное состояние или эмоциональное отношение к чему-либо. В составе эмотивной лексики исследователи традиционно выделяют шесть подгрупп. Первая подгруппа – наименования чувств, такие как «гнев» и «ярость». Вторая – обозначения состояний,

например «печаль» и «покой». Третья – синкретичные (смешанные) состояния, включая «страх» и «трепет». Четвёртая – ощущения, в частности «смерть». Пятая – источник чувства: «скорбь», «страхование». Шестая – результат душевной деятельности: «хотение», «желание». Данной лексической группе свойственна ярко выраженная оценочность, поскольку эмоции в тексте чётко поляризуются на положительные и отрицательные. Сама оценочность может быть заложена непосредственно в семантике абстрактного имени существительного либо передаваться через сопровождающее его эпитетное слово. Подавляющее большинство единиц здесь составляют отвлечённые имена с умозрительным значением, которые фиксируют нематериальные, духовные концепты. В количественном отношении такие лексемы заметно преобладают над словами других частей речи.

В ходе проведённого анализа была установлена частотность ключевых слов, относящихся к соматической и эмоциональной сферам. В качестве ключевых лексем здесь выступают предельно широкие по своему объёму понятия, с помощью которых в тексте описывается феномен человеческого существования в его целостности.

Таблица 1 – Частотность ключевых единиц соматической лексики

Лексическая единица	Количество словоупотреблений
руки	119
уста	93
очи	47
ноги	33
глава	26
уши	20
плоть	19
тело	2
Всего употреблений	359

Анализ частотности соматической лексики, приведенной в таблице 1, показывает, что наиболее активно употребляются лексемы, обозначающие активные и функционально значимы части тела – руки (119

словоупотреблений) и уста (93). Их доминирование связано с ключевыми библейскими мотивами – устремленными к Богу руками (молитва, просьба, благословение) и устами, возносящими хвалу и исповедующими грех. Высокая частотность лексемы «очи» (47) отражает тему духовного зрения, покаяния и упования на Бога.

Остальные лексические единицы (ноги, глава, уши, плоть) встречаются реже, но также выполняют важные символические функции, к чему относится устойчивость на пути к праведности, почитание Бога, слушание заповедей и противопоставление немощной плоти духу.

Количественное распределение соматизмов подтверждает, что человеческое тело осмысляется в Псалтыре как сакральная и антропоморфная модель миропонимания. Общее число употреблений свидетельствует о высокой значимости телесных номинаций для формирования личностного самосознания и молитвенного опыта в псалмическом тексте.

Таблица 2 – Частотность ключевых единиц эмотивной лексики

Лексическая единица	Количество словоупотреблений
душа	153
сердце	135
веселие/веселиться	71
гнев/гневаться	65
смирение/смириться	51
скорбь	47
радость/радование/радоваться	26
страх	21
печаль	7
Всего употреблений	576

Анализ частотности эмотивной лексики, приведенной в таблице 2, показывает, что доминирующее положение занимают лексемы душа (153) и сердце (53). Это объясняется тем, что именно душа и сердце с библейской антропологии выступают центрами эмоциональной, волевой и духовной жизни человека – местом радости, скорби, смирения, страха и гнева. Эти

слова являются связующим звеном между соматическим и эмотивным, так, например, сердце выступает одновременно телесным органом и вместилищем чувств. Важно отметить преобладание негативных эмоций, что связано с жанровой спецификой псалмов как молитв покаяния, плача и прошения о помощи.

Общее число словоупотреблений эмотивной лексики превышает объем соматической, что свидетельствует о приоритете внутреннего, душевного мира человека в псалмическом тексте. Эмотивы выражают динамику отношения человека к Богу, себе и врагам, а амбивалентность (например, страх как ужас перед Богом и одновременно благоговение) обусловлена библейским принципом «страха Господня».

Так, Псалтырь не разделяет тело и душу, а представляет их в совокупности (молитва – это и телесное действие (воздевание рук, произнесение устами), и душевное движение (радость, скорбь, смирение). Человек здесь выступает «целостным существом», которое «всем телом и душой» обращается к Богу.

Самоидентификация и оценка собственного поведения напрямую зависит от степени их соответствия неким сакральным установлениям и идеалам. В псалмическом тексте фигурирует понятие Высшего закона, который служит чётким мерилom, отделяющим добро от зла. Данный закон предполагает существование иерархической вертикали власти, однако сам он пронизывает всё бытие, не зная границ и исключений. К тематической группе, связанной с этой сферой, относятся следующие лексические единицы. Во-первых, это обозначения носителей власти: «царь», «князь», «судия», «судяй правду» и т.п. Во-вторых, это названия принципов и инструментов её осуществления: «закон», «суд», «совет», «повеление», «наказание» (в значении «наставление»), «соблюдати». В-третьих, это последствия соблюдения предписаний либо их нарушения. Награда, которую получает праведник за неуклонное следование закону, чаще всего выражается посредством отвлечённых имён существительных: «спасение»,

«благословение», «благодаяние», «слава», «милость». Исключением является единичный случай с предметной метафорой – «венец от камене честна» (венец из драгоценного камня). Нередко воздаяние описывается и целыми словесными формулами, такими как «венчати славою и честию» либо «помазати елеом радости». В качестве контраста, вознаграждение земного, материального свойства («мзда», «богатство») передаётся через конкретные, предметные номинации: «злато», «сребро» и подобные. Что касается кары за беззаконие, то она выражается с помощью существительных «болезнь», «смерть», а также целого ряда глаголов деструктивной семантики: «смиряти», «сокрушити», «поразити», «погубити». Наконец, атрибутами и символами властной мощи выступают «палица железная», «оружие», «лук», «стрелы», «престол», «жезл» и «щит». Лексика, характеризующая власть и закон в Псалтыре выстраивается по контрасту между небесным и земным, духовным и материальным, праведным воздаянием и греховной карой.

В тех фрагментах псалмов, где человек особенно остро переживает собственную слабость и чувство покинутости, происходит наиболее интенсивное самораскрытие души и запускается процесс внутреннего самопознания. Для передачи этого состояния авторы прибегают к номинациям, обозначающей родственные связи: «отец», «мать», «братия», «сын», «чадо», «ближний» и другие. Предательство способны совершить самые близкие люди, связанные кровным родством, однако всегда остаётся Тот, Кто дарует опору в минуту отчаяния. В Псалтыре понятие родства переосмысливается: это категория не столько биологического, сколько духовного единства. Оно нередко противопоставляется узам плоти и крови. Иными словами, в сакральной системе координат, зафиксированной в тексте, биологическая семья уступает место семье литургической – общине верующих, собранной вокруг единого Небесного Отца.

В псалмическом тексте человек осознаёт себя не изолированным существом, а неотъемлемой частью единого мироздания. Растительный и

животный мир, а также природные стихии органично вписаны в эту картину бытия и служат своеобразной системой координат для понимания человеческой жизни. Чтобы описать поведение человека и его жизненный уклад, создатели псалмов обращаются к хорошо известным явлениям окружающей действительности, используя художественные параллели, развёрнутые метафоры и символы. Праведник, который исполняет Высший закон и стремится к добру, уподобляется дереву с крепкой листвой (символ здоровья и многочисленного потомства). Такое дерево вовремя приносит свои плоды (успех во всех начинаниях) и не боится буйных ветров (жизненных невзгод). Образцом служит фрагмент: «яко древо саждено при исходящихъ вдъ, еже плод свой дасть во время свое, и листъ его не отпадет, и вся елика аще творить, успеетъ» [56, 2:5]. Совершенно иначе изображается победа над врагом – она предстаёт лёгкой и стремительной, подобной сокрушению глиняных сосудов железным жезлом: «успасеши я палицею железною, яко сосуды скудельнича сркушиши я» [56, 2:6]. Мир природы и мир человеческих отношений в Псалтыре не разделены, но находятся в постоянном символическом взаимодействии, где каждое явление действительности получает нравственное и духовное истолкование.

Значительная часть наименований животных и растений в Псалтыре несёт на себе мощную символическую нагрузку. Так, лев выступает олицетворением силы, властного могущества, а также необузданной ярости: «да некогда похитит яко лев душу мою» [56, 2:10], «лев восхищайи и рыкайи» [56, 2:30]. Овца и телец относятся к жертвенным животным: первая символизирует кротость и незлобие, тогда как второй может обозначать грубую, необузданную силу. В лагере врагов, помимо льва, фигурируют скимен (львёнок) и пси (псы). Змий, аспид и василиск знаменуют собой абсолютное зло и неукротимое неистовство. Червь служит знаком крайнего уничтожения и ничтожества. Конь и меск (мул) ассоциируются с неразумием и обманчивостью. Вепрь и инок дивий (одинокый дикий зверь) обозначают языческие народы, чуждые истинной вере. Пёсьи мухи, жабы и пруги

(саранча) выступают как орудия божественного наказания. В положительном ключе используются иные образы: горлица символизирует мир, а елень (олень) – благородство. Растительный мир также глубоко символичен. Кедр ливанский олицетворяет мощь и величие; иссоп – очищение от нравственной скверны; маслина – изобилие добрых дел и милосердие; виноград – богатство и продолжение рода; терн – раны, боль и страдание.

Поэтическая картина мироздания в Псалтыре дополняется несколькими тематическими пластами. Первый пласт составляют образы стихий и природных явлений – ветра, дождя, бури, грома и других. В большинстве случаев они выступают либо как знаки божественного всемогущества и гнева, либо как средства кары (например, карающий огонь), либо как символы быстротечности и тленности всего земного (дым, исчезающий в одно мгновение). Второй пласт включает природные ландшафты: горы, холмы, реки, а также описания земли как пустынной, непроходимой и безводной. Третий пласт образуют астрономические тела и космические пространства – солнце, луна, небеса, земля, вселенная. Наконец, четвёртый пласт связан с обозначением времени суток: день, ночь, полдень, утро и т.д. Каждый из этих элементов не просто называет явление природы, но наполняет его богословским и нравственным содержанием, создавая целостную космологическую картину, в которой всё мироздание участвует в диалоге между человеком и Творцом.

Исполнение псалмов изначально предполагало музыкальное сопровождение, поэтому в текст органично вписаны названия инструментов, с помощью которых возносились священные гимны. Среди них упоминаются гусли, десятиструнная псалтырь, тимпан, труба, орган и кимвалы. Присутствие этих терминов сближает поэтическую ткань Псалтыря с живой богослужебной практикой, где слово и звук существовали в неразрывном единстве. Иными словами, псалмы не просто читались или пелись – они звучали в полноте музыкально-вокального

исполнения, что придавало им особую торжественность и эмоциональную глубину.

Словарный состав псалмов отличается многослойностью. Межличностные отношения и внутренние переживания человека получают в тексте зримое, осязаемое выражение благодаря целому ряду художественных приёмов, среди которых важное место занимают синонимия и антонимия. Так, феномен жизни раскрывается через три ключевых синонимичных понятия: «живот», «путь» и «душа». Первое из них – «живот» – обозначает соматический параметр, физическое существование, как, например, в строке «попереть в земли животъ мой» [56, 2:10]. Рядом с ним в тексте появляются и обороты-синонимы: «долгота дний» (долгота дней) и «лета моя» (годы мои). Второе понятие – «путь» – выступает как вектор качества жизни, своеобразная «жизненная стезя», которая распадается на два противоположных направления: «путь праведных» и «путь нечестивых». Третье понятие – «душа» – трактуется как бессмертная внутренняя вселенная человека, средоточие его духовной жизни. При этом в псалмах сохраняется и более архаичное понимание души как самого дыхания жизни, утрата которого равносильна физической гибели. Это значение зафиксировано, например, в строке «да поженеть убо врагъ душу мою» [56, 2:10], где преследование души врагом означает угрозу самому существованию человека.

Для описания жизненного уклада человека в псалмах выстраиваются две развёрнутые синонимические цепочки. Первая объединяет положительные характеристики: «праведный», «преподобный», «блажен», «кроткий». Вторая, напротив, собирает отрицательные качества: «грешный», «нечестивый», «лукавый», «законопреступник». Соотнесение этих цепочек друг с другом порождает целый ряд антонимических пар. Среди них: праведный – грешный, закон – беззаконие, истина – ложь, спасение – гибель, смех – плач, радость – скорбь, наказание – милость, начало – конец, день – ночь. Благодаря этим лексическим структурам текст

псалмов приобретает исключительную живописность, смысловую многогранность и ярко выраженную ценностную окрашенность.

Важно подчеркнуть принципиальное отличие псалмов от текстов уставного или дидактического характера. Последние ориентированы на внешнюю обрядовость – на формальные предписания и неукоснительное выполнение ритуалов. Псалмы же обращены к внутренней жизни человеческой личности, к процессу самопознания и самоосмысления. Язык Псалтыря по своей природе художественен, поэтичен и густо насыщен символами. Именно здесь достигается уникальное слияние религиозного и эстетического начал: священные гимны одновременно выступают как объект молитвенного почитания и как источник эстетического переживания, доставляя радость от соприкосновения с непревзойдёнными образцами древней словесности.

Таким образом, Псалтырь можно назвать не просто молитвословом, но и первой школой внутреннего чувствования, где вера обретает форму изящной словесности.

Выводы по главе 3

Проведённое в третьей главе исследование лексических средств организации текста в Псалтыре начала XX века позволяет сформулировать ряд обобщающих положений.

Анализ типологической характеристики сборника показал, что данный памятник представляет собой многоуровневый языковой феномен, в котором органично сочетаются богослужебная функция и дидактическая направленность. Изучение специальных номинаций, связанных с православной традицией, выявило их тематическую стратификацию: участники традиции (учитель–ученики, инок–мирянин, иерархические наименования священнослужителей), ритуальные действия (виды поклонов, глаголы, фиксирующие порядок службы), храмовое пространство (келия, обитель, соборная церковь) и циклическое время (виды

богослужений, праздники). Синонимический ряд «иерей – поп – пресвитер» продемонстрировал как греческое влияние на формирование церковнославянской терминологии, так и стилистическую динамику лексем (нейтральный «поп» в XIX веке / разговорный в современном языке).

Ономастическая лексика Псалтыря, представленная топонимами (включая макротопоним «Росия») и антропонимами (от библейских персонажей до императора Николая II), выполняет двойную функцию: с одной стороны, она сохраняет историческую память о сакральной географии и персоналиях библейского мира, с другой – выступает идеологическим маркером эпохи, вписывая светскую власть в церковное пространство.

Лексический анализ псалмов как центральной части сборника выявил активное функционирование соматизмов (руки, уста, очи, ноги) и эмотивов (душа, сердце, веселие, гнев, смирение, скорбь). Количественное распределение показало доминирование лексики «душа» (153 употребления) и «сердце» (135 употреблений), что свидетельствует о приоритете внутреннего, душевного мира человека в псалмическом тексте. При этом соматизмы и эмотивы не противопоставлены, а образуют целостную антропологическую модель, где телесное и духовное взаимосвязаны.

Важным наблюдением стало использование синонимии (жизнь передаётся через «живот», «путь», «душа») и антонимии (праведный – грешный, закон – беззаконие, радость – скорбь), которые придают тексту художественную выразительность и ценностную многомерность. Метафорическое осмысление природного мира (дерево как символ праведника, лев – ярость, овца – кротость, змий – абсолютное зло) и космических стихий углубляет символическую картину мироздания.

Особого внимания заслуживает вопрос о языковом статусе памятника. Несмотря на то, что Псалтырь базируется на церковнославянской письменности, в исследуемых текстах отчётливо фиксируется влияние

русского литературного языка. Это взаимодействие проявляется на нескольких уровнях: на лексическом (проникновение русизмов в толкования, поучения и уставные замечания, особенно в тех фрагментах, которые обращены к читателю), на синтаксическом, а также на стилистическом – стремление к большей доступности изложения без утраты сакрального содержания. Церковнославянская письменность в Псалтыре начала XX века не является застывшей системой; напротив, она обнаруживает живую динамику и адаптацию под языковую компетенцию адресата, что становится характерной приметой церковной канонической книжности этого периода.

Таким образом, Псалтырь начала XX века предстаёт не только как богослужебный и учебный памятник, но и как сложно организованный лингвокультурный феномен, в котором переплетаются архаические пласты общеславянской лексики, греческие заимствования, словообразовательные кальки, ономастические маркеры сакральной и политической идентичности, а также выразительные средства поэтического языка. Именно эта многослойность позволяет рассматривать Псалтырь одновременно как школу грамоты, школу молитвы и школу внутреннего чувствования, где религиозное содержание облекается в форму изящной словесности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое в рамках настоящего исследования комплексное изучение славянской печатного Псалтыря начала XX века позволяет сформулировать ряд итоговых положений, обобщающих результаты археографического, структурно-типологического и лингвистического анализа данного памятника.

В ходе палеографического описания установлено, что исследуемый экземпляр представляет собой переиздание более раннего печатного Псалтыря 1646 года, относящейся к эпохе иосифовской книжной справы. Книга отпечатана в московской типографии единоверцев при Свято-Троицкой Введенской церкви на бумаге французского происхождения, о чём свидетельствуют филигранные «кувшин» и «геральдическая лилия». Графическое оформление памятника выдержано в старопечатном стиле с характерными растительными орнаментами, прямоугольными рамками и гравюрой с изображением царя Давида. Текст набран типографским шрифтом с использованием чернил двух цветов (чёрного и красного), что соответствовало каноническим нормам оформления богослужебной литературы.

Анализ графической системы Псалтыря показал, что в ней представлен практически полный состав кириллического алфавита (за исключением «большого юса» и йотированного «е») с многочисленными дублетными буквами (и/і, о/ѡ, я/ѣ, ѹ/Ѹ, в/ѵ, ф/ѳ, s/з). Выбор конкретной графемы определяется позиционными факторами (начало, середина, конец слова), этимологией лексемы (заимствования из греческого), а также необходимостью разграничения омонимов. Важнейшей чертой памятника является вариативность написаний, отражающая переходное состояние орфографической нормы: сосуществуют широкие и узкие начертания букв, круглое и змеевидное «з», употребление «s» в корнях слов (сло, сѣлѡ, селіе). Редуцированные гласные «ѣ» и «ѥ» сохраняются преимущественно в конце

слов, в предлогах и на стыках морфем, где их утрата приводила бы к труднопроизносимым группам согласных.

Система диакритических маркеров представлена в полном объёме: три типа ударений (оксия, вария, камора), придыхание, комбинированные знаки (исо, апостроф), титла (простые и буквенные), выносные буквы, дасия и астериск. Камора, в отличие от других знаков, относится не к отдельному гласному, а ко всему слогу. Дасия («краткая») выполняет дифференцирующую грамматическую функцию, маркируя конечную «и» у существительных, местоимений и глаголов в повелительном наклонении. Пунктуационная система крайне ограничена (точка большая и малая, запятая, точка с запятой), что объясняется исторически поздним формированием русской пунктуации. Знаки препинания полифункциональны и факультативны: один и тот же синтаксический элемент может как выделяться, так и не выделяться.

На основании анализа состава сборника установлено, что Псалтырь относится к категории Простой (Учебной). Ключевой дифференцирующий признак – отсутствие Часослова. Вместе с тем памятник включает обширные дополнительные материалы: наставления, уставные указания, каноны, фрагменты из Канонника, Служебника и Типикона. Все тексты распределены по трём жанровым группам: поучительные («Наставление к учителям», «Сказание о псалмах»), уставные («Устав о поклонах», «Устав о Псалтыри») и гимнографические (псалмы, библейские песни). Композиционная организация этих произведений варьируется от целостной трёхчастной (зачин – основная часть – концовка) до фрагментарной или усечённой.

Для описания композиции применено понятие «блок» – семантически завершённая структурная единица. Выделение блоков происходит на трёх уровнях: всего сборника, отдельных глав и конкретных текстов. Зачин (начальный блок) в поучениях включает обращение к адресату («Господие и братие»), указание на речевое действие («написахом»), этикетные

формулы («простите нас худых») и целевую установку. В уставных текстах зачин лаконичнее и содержит ссылки на авторитетные источники. В псалмах начальные стихи выполняют разнообразные функции: просьба, мольба, утверждение ценностных ориентиров, побуждение, вопрос, выражение надежды, свидетельство веры, восхваление, сравнение.

Концовка (конечный блок) не является обязательным элементом. В поучениях она включает призыв, пожелание, обещание награды или наказания и сакральную формулу. В уставных текстах концовка предельно сжата либо отсутствует. В псалмах финальные стихи подразделяются на шесть типов: обещание праведного суда, выражение надежды, призыв/мольба, исповедание веры, обещание праведной жизни, усиление сказанного (амфиминий «будетъ будетъ»).

Блоки основного содержания характеризуются типовыми начальными формулами (условно-временными с «егда», локативными с «идеже», модальными с «подобает», директивными). Переход к новой информации осуществляется через ключевые слова, цитаты с устойчивыми формулами («якоже пишет»), ссылки на авторитетные источники, вынесенные на поля, интерпретации («толкование»), а также маргинальные пометы и сноски.

Словарный состав Псалтыря представляет собой многоязычный сплав. Выделяются три основных пласта: общеславянские слова (отец, мати, сын, брат, дом, ходити, разумети), славянские лексемы, обретшие в церковнославянском новые религиозные значения (Бог, дух, свят, Спас, блажен), и словообразовательные кальки с греческого (благословение, Богородица, человеколюбие, законодавец). Среди заимствований преобладают грецизмы (адъ, аггль, псаломъ, паремия, полиелей), а также встречаются латинизмы (олтарь, келия), гебраизмы (суббота, Израиль) и немногочисленные тюркизмы (мехъ, чертог).

Специальные номинации, связанные с православной традицией, тематически стратифицированы: участники (учитель–ученики, инок–мирянин, иерей–поп–презвитер), ритуальные действия (поклоны,

коленипреклонение, метании), храмовое пространство (церковь, храм, келия, обитель), циклическое время (вечерня, утренняя, литургия, праздники). Синонимический ряд «иерей – поп – пресвитер» демонстрирует греческое влияние, стилистическую динамику и каноническую древность терминов.

В Псалтыре широко представлены топонимы (оронимы: Сион, Синай; гидронимы: Черное море; ойконимы: Иерусалим, Вавилон, Москва; макротопонимы: Израиль, Египет, Ассирия, Россия) и антропонимы (однокомпонентные: Давид, Адам, Голиаф; многокомпонентные с чинами, дескрипторами, локализаторами и титулами – вплоть до развёрнутого именованного императора Николая Александровича). Включение макротопонима «Россия» и титула правящего монарха представляет собой сознательную проекцию сакральной истории на современное памятнику политическое пространство, превращая богослужебный текст в манифест симфонии церковной и государственной власти.

Количественный анализ соматической лексики выявил доминирование лексем «руки» (119 словоупотреблений) и «уста» (93), что связано с ключевыми библейскими мотивами молитвы, хвалы и исповедания. Высокая частотность «очей» (47) отражает тему духовного зрения. Эмотивная лексика ещё более репрезентативна: «душа» (153), «сердце» (135), «веселие» (71), «гнев» (65), «смирение» (51), «скорбь» (47). Преобладание негативных эмоций соответствует жанровой специфике псалмов как покаянных молитв. Соматизмы и эмотивы не противопоставлены, а образуют целостную антропологическую модель, где тело и душа взаимосвязаны.

Метафорическое осмысление мира включает символику животных (лев – ярость, овца – кротость, змий – абсолютное зло), растений (кедр – могущество, иссоп – очищение, маслина – милосердие), стихий и астрономических тел. Синонимия (жизнь = живот, путь, душа) и антонимия (праведный–грешный, закон–беззаконие, радость–скорбь) придают тексту псалмов художественную выразительность и ценностную многомерность.

Внимания заслуживает вопрос о языковом статусе памятника. Псалтырь начала XX века фиксирует активное взаимодействие церковнославянского и русского литературного языка. При том, что основу сборника составляет церковнославянская письменность, она испытывает заметное влияние со стороны русского литературного языка. Это влияние проявляется на разных уровнях: в синтаксисе – упрощение конструкций, приближение порядка слов к нормам русского языка; в лексике – проникновение русизмов, особенно в текстах поучительного и уставного жанров («Наставление к учителям», «Устав о поклонах»), которые обращены к неискущённому читателю; в стилистике – стремление к большей ясности и доступности изложения без утраты сакрального содержания. Церковнославянская письменность в данном памятнике не предстаёт как изолированная архаичная система, а обнаруживает черты живого двуязычия, где традиционная каноническая форма адаптируется под языковую компетенцию современника начала XX века.

Псалтырь начала XX века предстаёт в проведённом исследовании как сложный, многоуровневый лингвокультурный феномен. С одной стороны, она консервативна: сохраняет графику, орфографию, морфологию и синтаксис, восходящие к книжной традиции XVII столетия (эпохи «книжных справ»). С другой стороны, памятник демонстрирует живую вариативность на всех языковых уровнях – от выбора дублетной буквы до расстановки надстрочных знаков и пунктуации. Эта вариативность отражает переходное состояние церковнославянской письменности начала XX века, когда старообрядческая традиция сосуществовала с синодальной.

Особую ценность Псалтырю придаёт её учебная направленность. «Наставление к учителям» фиксирует не только грамматические правила и методические приёмы, но и глубокое осмысление языка как сакрального феномена, где каждая буква, каждый надстрочный знак и каждое пунктуационное решение несёт смысловую и духовную нагрузку. Именно это единство религиозного содержания и языковой формы позволяет

рассматривать Псалтырь как уникальный памятник, в котором сходятся три линии – школа грамоты, школа молитвы и школа внутреннего чувствования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 1496-1504. Послание Новгородского Архиепископа Геннадия Митрополиту Симону, о подъяческом ставлении и необходимости устроить училища для ставленников // Послания Российских Митрополитов и других лиц (in 4°, XVI века, грам. 108, л. 250–251), хранящейся в Московской Синодальной библиотеке под № 562. – Акт сей напечатан в Древн. Росс. Вивл. Ч. XIV, стр. 244-248, и отрывок из него в Ист. Росс. Иерарх. Ч. I, стр. 411-412. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/344541> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии / А. А. Алексеев. РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк дом), Славянский библейс. Фонд. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин (ДБ), 2019. – 254 с. – ISBN 5-86007-114-0. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Anatolij-Alekseev/tekstologija-slavjanskoj-biblii/> (дата обращения 01.02.2026).
3. Астахина Л. Ю. Лингвистическое источниковедение и историческая лексикология / Л. Ю. Астахина // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2008. – № 1(11). – С.7-17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-istochnikovedenie-i-istoricheskaya-leksikologiya> / (дата обращения 20.03.2026).
4. Беспоместных А. Е. Речевая композиция Псалтыри как структурная особенность жанра / А. Е. Беспоместных, Н. Н. Ничик // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: Филологические науки. – Симферополь, 2016. – № 1. – С. 31-36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-kompozitsiya-psaltiri-kak-strukturnaya-osobennost-zhanra> (дата обращения 25.10.2024).
5. Бугаева И. В. Номинации святых в русской православной традиции / И. В. Бугаева // Библия и европейская литературная традиция. Материалы XXXV международной филологической конференции. Секция «Библия и христианская письменность» (13-18 марта 2006 г.) – Санкт-

Петербург, 2007. – Вып. II. – С. 85-92. – URL: <https://azbyka.ru/days/p-nominatsija-svjatykh-v-russkoj-pravoslavnoj-traditsii> (дата обращения: 18.04.2025).

6. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка : сост. на основании наставления для образования воспитанников воен.-учеб. заведени, высочайше утв. 24-го дек. 1848 г. / Ф. И. Буслаев. – Москва : Унив. тип., 1861. – 835 с. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Buslaev/istoricheskaja-hrestomatija-tserkovnoslavjanskogo-i-drevnerusskogo-jazykov/#source (дата обращения: 18.04.2025).

7. Верещагин Е. М. Новонайденная часть древнейшей славянской («Синайской») Псалтири: лексикологические наблюдения / Е. М. Верещагин // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – Т. 27. № 4. – С.187-211 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novonaydannaya-chast-drevneyshey-slavyanskoy-sinayskoy-psaltyri-leksikologicheskie-nablyudeniya> (дата обращения: 18.04.2025).

8. Вознесенский А. В. История славянской печатной псалтири: Московская традиция XVI-XVII веков: простая Псалтирь : автореф. дисс. ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Вознесенский Андрей Владимирович ; ИРЛИ РАН. – Санкт-Петербург, 2008. – 35 с.

9. Вознесенский А. В. Об отношении на печатном дворе к тексту издаваемых книг в XVI – начале XVII века / А. В. Вознесенский // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. II, вып. 12. – С. 198-202. – URL: <https://www.academia.edu/42208321> (дата обращения: 11.12.2025).

10. Вознесенский А. В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 12-13 / А. В. Вознесенский // Труды Отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург, 2004. – Т. 52. – С. 575-581. – URL: <https://www.academia.edu/35935521> (дата обращения: 11.12.2025).

11. Вознесенский А. В. Служебная Псалтирь в восточнославянском книгопечатании XVI-XVIII вв. / А. В. Вознесенский // Труды Отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург, 1996. – Т. 50. – С. 215-219. – URL: <https://www.academia.edu/35781403> (дата обращения: 19.06.2025).

12. Воробьева А. Г. Учебник церковнославянского языка / А. Г. Воробьева. – 4-е изд., испр. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2026. – 368 с. – ISBN 978-5-7429-1738-0.

13. Востоков А. Х. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам / А. Х. Востоков. – Санкт-Петербург : Издательство Императорской Академии наук, 1863. – 138 с. – URL: <https://archive.org/details/grammatikatserkovnoslovenskogojazyk/aiz62> (дата обращения: 17.08.2025).

14. Вэндленд Э. Р. Гармония и алгебра Псалтири: литературный и лингвистический анализ библейских псалмов / Э. Р. Вэндленд. – Москва : Институт перевода Библии, 2010. – 175 с. – ISBN 978-5-93943-151-4.

15. Вязикова Л. В. Система языка в синхронии и диахронии. Отражение редуцированных букв Ъ, Ь в рукописях XV века / Л. В. Вязикова // Сборник материалов III Международной научной конференции «Русский язык: система и функционирование». – Минск : РИВШ, 2006. – Часть 1. – С. 61-64. – URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/12345678.pdf> (дата обращения 01.02.2025).

16. Гальченко М. Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. / М. Г. Гальченко // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – Москва : Древлехранилище, 2000. – С.123-152. – URL: <http://www.raruss.ru/slavonic/slav5/1649> (дата обращения 01.02.2025).

17. Глухих Н. В. Переписка заводчиков Демидовых с приказчиками конца XVIII–начала XIX вв. : историко-лингвистический аспект :

монография / Н. В. Глухих. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2018. – 163 с. – ISBN 978-5-9765-3714-9.

18. Дадыкин А. В. Методические указания по определению и датировке бумаги русских кириллических книг XV – XX вв. / А. В. Дадыкин – Ростов Великий, 2006. – 42 с. – (VI Школа-семинар повышения квалификации сотрудников, начинающих работу с кириллическими рукописными и печатными книжными памятниками XV – XVII веков). – URL: <https://opentextnn.ru/history/paleografija/dadykin-a-v-metodicheskie-ukazaniya-po-opredeleniju-i-datirovke-bumagi-russkih-kirillicheskih-knig-xv-hh-vv/> (дата обращения 01.02.2025).

19. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 1. А – Л / И. Х. Дворецкий. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1042 с. – URL: <https://archive.org/details/14186782-1958> (дата обращения 10.10.2025).

20. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 2. М – Я / И. Х. Дворецкий. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 871 с. – URL: <https://archive.org/details/14186782-1958> (дата обращения 10.10.2025).

21. Егоров Г. В. Священное Писание Ветхого Завета : курс лекций / Г. В. Егоров ; ПСТГУ. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 608 с. – ISBN 978-5-7429-1573-7.

22. Жирова А. В. Смежная проблематика, связанная с конструкциями с двойными падежами в церковнославянском языке / А. В. Жирова // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. – 2011. – № 24. – С.86-89. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smezhnaya-problematika-svyazannaya-s-konstruktsiyami-s-dvoynymi-padezhami-v-tserkovnoslavyanskom-yazyke> (дата обращения: 04.06.2025).

23. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников / Л. П. Жуковская ; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз56 – Москва : Наука, 1976. – 367 с.

24. Журинская М. А. Употребление книги Псалтирь в древнем быту русского народа / М. А. Журинская // Некоммерческий культурно-просветительский журнал «Альфа и омега». – Москва : Фома, 2001. – Вып. № 29. – URL: <https://www.pravmir.ru/upotreblenie-knigi-psaltir-v-drevnem-byitu-russkogo-naroda/> (дата обращения: 01.04.2026).

25. Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента / Е. В. Зацепина // У истоков русского книгопечатания / под ред. М. Н. Тихомирова. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – С. 101-154.

26. Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках: сводный каталог / А. С. Зернова ; Мин-во культуры РСФСР ; Гос. орд. Ленина библиот. СССР им. В. И. Ленина : Отдел редких книг. – Москва : Тип. Библиот. им. В. И. Ленина, 1958. – 152 с.

27. Игнатий (Римский-Корсаков Илья Александрович, митр. Тобольский и Сибирский; ок. 1623-1701). Послания окружные Игнатия митрополита Сибирского и Тобольского = О полуармянах рукопись. – [Б. м.], первая половина XVIII в 56 – 96 [из них 3 чистых] лл. : 4°(19,8 x 15,2) см.

28. Иеромонах Алипий (Гаманович). Грамматика церковнославянского языка / Иеромонах Алипий (Гаманович). – Москва : Художественная литература, 1991. – 272 с. – ISBN 5-280-02437-6.

29. Каратаев И. П. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491-1730 / И. П. Каратаев. – Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1861. – 228 с.

30. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография / Е. Ф. Карский ; Акад. наук Союза Советских Социалистических Республик. – Москва : Наука, 1979. – 516 с.

31. Козаржевский А. Ч. Учебник древнегреческого языка / А. Ч. Козаржевский. – 4-е изд., испр. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2002. – 456 с. – ISBN 5-87245-077-X.

32. Козлова А. Ю. Коломенский список Толковой Палеи 1406 г. как лингвистический источник : дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Анна Юрьевна Козлова ; науч. рук. Л. А. Чернова ; КГПИ. – Коломна, 2007. – 26 с.
33. Колесов В. В. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции / В. В. Колесов // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. – Москва : Наука, 1973. – С. 228-257.
34. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков ; АН СССР. Инстит1496-1504. Послание Новгородского Архиепископа Геннадия Митрополиту Симону, о подъяческом ставлении и необходимости устроить училища для ставленников // Послания Российских Митрополитов и других лиц (in 4°, XVI века, грам. 108, л. 250–251), хранящейся в Московской Синодальной библиотеке под № 562. – Акт сей напечатан в Древн. Росс. Вивл. Ч. XIV, стр. 244-248, и отрывок из него в Ист. Росс. Иерарх. Ч. I, стр. 411-412. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/344541> (дата обращения: 10.06.2025).
35. Игнатий (Римский-Корсаков Илья Александрович, митр. Тобольский и Сибирский; ок. 1623-1701). Послания окружные Игнатия митрополита Сибирского и Тобольского = О полуармянах рукопись. – [Б. м.], первая половина XVIII в56 – 96 [из них 3 чистых] лл. : 4°(19,8 x 15,2) см.
36. Сызранова Г. Ю. Ономастика : учебное пособие / Г. Ю. Сызранова. – Тольятти : Издательство ТГУ, 2013. – 248 с. – ISBN 978-5-8259-0707-9.
37. Кривко Р. Н. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской Псалтири / Р. Н. Кривко // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 2(8). – С. 80-124. – URL: <https://www.academia.edu/980352> (дата обращения: 28.05.2025).
38. Кусмауль С. М. Эволюция функций знака каморы в богослужебных изданиях конца XVI – первой половины XVII в. / С. М. Кусмауль // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2017. – Вып. 51. – С.21-47. – URL: <https://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/3/51/article/3658> (дата обращения: 28.05.2025).

39. Лихачева О. П. Служебная Псалтирь как особого рода сборник / О. П. Лихачева // Материалы Всесоюзной научной конференции «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности». – Ленинград, 1981. – С. 222-241.

40. Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т. П. Ломтев. – 2-е изд., испр. – Москва : КомКнига, 2021. – 166 с. – (Лингвистическое наследие XX века). – ISBN 978-5-484-01500-9.

41. Людоговский Ф. Б. Состав, структура и функционирование корпуса современных церковнославянских богослужебных текстов : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.03 / Федор Борисович Людоговский ; науч. рук. С. С. Скорвид ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2003. – 333 с.

42. Малыгина М. А. Особенности восприятия греческого текста славянскими переводчиками: ошибки перевода / М. А. Малыгина // Вестник славянских культур / РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры. – Москва, 2014. – С.169-175.

43. Малыгина М. А. Языковые особенности и состав Минейного стихираря (по древнерусским спискам XII века) : автореф. дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Мария Анатольевна Малыгина ; науч. рук. В. Б. Крысько ; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. – Москва, 2012. – 27 с.

44. Малышева И. А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения / И. А. Малышева ; ХГПУ. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 1997. – 182 с. – ISBN 5-87155-155-6.

45. Матвеева О. А. Церковнославянская лексика как терминосистема : автореф. дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Ольга Александровна Матвеева ; науч. рук. Л. И. Маршева ; МГГУ им. М. А. Шолохова. – Москва, 2013. – 21 с.

46. Мелетий (Смотрицкий Максим Герасимович, архиеп. Полоцкий, Витебский и Мстиславский; ок. 1578-1633). Грамматика Мелетия Смотрицкого = Грамматика доброглаголивого славенороссийского языка, сочиненная преподобным Максимом Греком к наказанию и научению

младым отроком, яже написана со изъяснением ея, удобнейшаго ради познания правил [Рукопись] : [список с печатн. изд. 1648 г. ?]. – [Б. м.], втор. пол. XVIII в. – 263 [л. 2-3 и 261-263 чист.] л. : 8° (16,9 x 10,6) см. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009460787/ (дата обращения: 13.05.2025).

47. Мещерский Н. А. Памятники ветхозаветной письменности в древней славяно-русской рукописной традиции / Н. А. Мещерский // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР / ред. Л. П. Жуковская [и др.] – Москва, 1973. – С. 332-354.

48. Миронова Т. Л. Церковнославянский язык / Т. Л. Миронова. – 3-е изд. – Москва : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2024. – 272 с. – ISBN 978-5-88017-161-3.

49. Мурзина Н. В. О книжной справе Максима Грека на примере Псалтири 1552 года / Н. В. Мурзина // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2016. – № 4. – С. 64-69. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26868844> (дата обращения: 10.02.2025).

50. Никитин О. В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII в.) : автореф. дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Олег Викторович Никитин ; науч. рук. Л. Ф. Копосов ; МПГУ. – Москва, 2000. – 42 с.

51. Никонова М. Н. Теория текста : учеб. пособие / М. Н. Никонова ; ОмГТУ. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2008. – 239 с. – ISBN 978-5-8149-0636-6.

52. Палеославистика / под ред. М. Л. Ремневой [и др.] // Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». – 2009. – URL: <https://web.archive.org/web/20160901114411/http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/docs/1> (дата обращения 11.12.2025).

53. Погорелов В. А. Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи (с приложением статьи «О редакциях

славянского перевода Псалтыри» и 4 фототипических таблиц) / В. А. Погорелов. – Москва : Синодальная типография, 1901. – 250 с. – URL: <https://archive.org/details/bibliotekamoskovskojisinodalnojtipografi34> (дата обращения: 17.05.2025).

54. Псалтырь старообрядческий с воследованием. – Москва : Почаевская типография, 1906. – 1000 ст.

55. Сазонова Н. И. Текстология церковной реформы патриарха Никона (1654-1666 гг.) в старообрядческой полемической литературе второй половины XVII в. / Н. И. Сазонова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 298. – С.103-106. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstologiya-tserkovnoy-reformy-patriarha-nikona-1654-1666-gg-v-starobryadcheskoy-polemicheskoy-literature-vtoroy-poloviny-xvii-v> (дата обращения: 27.06.2025).

56. Свирин А. Н. Искусство книги древней Руси. XI-XVII вв. / А. Н. Свирин. – Москва : Искусство, 1964. – 299 с.

57. Седова Г. Е. К вопросу о датировке неизвестной Псалтири середины 50-х гг. XVII в. / Г. Е. Седова // Книга. Исследования и материалы. – Москва : Фонд «Книжная культура», 2015. – № 104-105. – С. 109-122.

58. Серегина Е. Е. Характер исправлений житийных текстов в составе печатного пролога XVII века / Е. Е. Серегина // Материалы XX Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. – Москва, 2010. – № 20-2. – С. 117-120. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24389669> (дата обращения: 13.11.2025).

59. Синило Г. В. Псалтирь (книга Хвалений) в контексте мировой культуры / Г. В. Синило // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – Москва, 2009. – № 54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psaltir-kniga-hvaleniy-v-kontekste-mirovoy-kultury?ysclid=mqfm6fvige833385004> (дата обращения 18.03.2026).

60. Словарь тюркизмов в русском языке / сост. Е. Н. Шипова ; АН КазССР. Ин-т языкознания. – Алма-Ата : Наука КазССР, 1976. – 444 с. – URL: <https://djvu.online/file/d6KLDU1A8lx0W> (дата обращения 25.02.2026).

61. Соболевский А. И. Древний церковнославянский язык. Фонетика / А. И. Соболевский. – 2-е изд. – Москва : URSS, 2015. – 160 с. – (Лингвистическое наследие XIX века). – ISBN 978-5-9710-1998-5.

62. Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. С описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка / И. И. Срезневский. – Москва : Т8 Издательские Технологии, 2025. – 640 с. – (Bamboo Classic м). – ISBN 978-5-458-02014-5.

63. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашова, 1887. – 187 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2562892 (дата обращения: 16.05.2025).

64. Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка / О. В. Старых // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. – 2011. – № 24. – С.80-85. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/somatizmy-kak-osobyuy-klass-slov-v-leksicheskoy-sisteme-tserkovnoslavyanskogo-yazyka> (дата обращения: 26.05.2025).

65. Супрун В. И. Учебник церковнославянского языка / В. И. Супрун. – Волгоград : Кооператив «Книга», 1998. – 304 с. – ISBN 5-7610-0891-2.

66. Сызранова Г. Ю. Ономастика : учебное пособие / Г. Ю. Сызранова. – Тольятти : Издательство ТГУ, 2013. – 248 с. – ISBN 978-5-8259-0707-9.

67. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.) / Б. А. Успенский. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – 558 с. – ISBN 5-7567-0146-X.

68. Ухова Т. Б. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии / Т. Б. Ухова,

С. А. Клепиков. – Вып. 22. Отдельный оттиск из «Записок отдела рукописей». – Москва : Гос. Библиотека им. Ленина, 1960. – 475 с. – С. 99-108.

69. Федорова Л. В. Точка, точка, запятая... (Из истории пунктуации) / Л. В. Федорова // Филолог. – 2010. – № 10. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17294990> (дата обращения: 01.02.2026).

70. Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: поэтика жанра / Г. Ю. Филипповский // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 2. – С. 8-13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pouchenie-vladimira-monomaha-poetika-zhanra> (дата обращения: 17.11.2025).

71. Фролов Д. В. Двойственное число в канонической части и в воследованиях Псалтири 1648 года: сопоставительный анализ / Д. В. Фролов // Вестник ЧГУ. – 2008. – № 4. – С. 255-258. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvoystvennoe-chislo-v-kanonicheskoy-chasti-i-v-vossledovaniyah-psaltiri-1648-goda-sopostavitelnyy-analiz> (дата обращения: 28.12.2025).

72. Шапорева О. А. Субстантиваты со значением лица в церковнославянских акафистах / О. А. Шапорева // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. – 2010. – № 20. – С. 42-59. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/substantivaty-so-znacheniem-litsa-v-tserkovnoslavyanskikh-akafistah> (дата обращения: 28.12.2025).

73. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий / А. А. Шахматов. – Петроград : Издание студенческого комитета при Историко-Филологическом факультете Петроградского университета ; типография «Научное дело», 1916. – 152 с. – URL: <https://archive.org/details/shakhmatov1916> (23.03.2026).

74. Шелепова Л. И. Лингвистическое источниковедение и история русского слова : дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Людмила Ивановна Шелепова ; РГПУ им. А. И. Герцена. – Барнаул, 1999. – 82 с.

75. Щепкин В. Н. Русская палеография / В. Н. Щепкин ; Отделение литературы и языка АН СССР. – Москва : Наука, 1967. – 225 с.

76. Этимологический онлайн-словарь русского языка / сост. Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. – Москва : Дрофа, 2004. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения 07.05.2025).

77. Этимологический словарь русского языка / сост. М. Р. Фасмер. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 1986. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer> (дата обращения 08.07.2025).

78. Юсова О. Б. Лексические разночтения разновременных списков славянской Псалтири XI-XVII вв. : дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Ольга Борисовна Юсова ; МПГУ. – Москва, 2007. – 194 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список текстов славянского печатного Псалтыря начала XX в.

	Название главы в оглавлении/ в сборнике
1	Наказание ко учителем, како им учить детей грамоте, и како учиться Божественному писанию и разумению
2	Указ о поклонех, когда бывают в церкви, и в келиях, и в домах приходных и исходных поклоны, и когда не бывают
3	Устав о псалтири, како должно есть глаголати во все лето, от недели антипасхи, еже есть фомина, и до отдания воздвижения Честнаго и животворящаго Креста господня, и в прочия недели
4	От устава святыя соборныя и апостольския Церкви, и от списания святых отец, о поклонех земных, иже бывают во святую великую 40-цу, сиречь во святой великий пост. и в прочия дни на литургиях / В сей же книзе богодохновенней Псалтири вписахом, от устава святыя соборныя и апостольския церкви, и от списания святых отец, о поклонех земных, иже бывают во святую великую 40- цу, сиречь во святой великий пост
5	Святаго Иоанна Дамаскина, и преподобнаго отца Никона о коленоприклонениях /Зрите же о сем и иоанна дамаскина, иже пишет в своих изложениях о поклонех земных великаго поста в церкви бывающих. а преподобный отец никон сие написа в собрании книги своея, в пятьдесят седмом слове
6	На непокаряющихся Церковному преданию, от никоновы книги, 63, слова. от градскаго закона/ К сему же и сие zde впишем на непокаряющихся церковному преданию, от никоновы книги, 63-го слова. от градскаго закона
7	От святаго аввы Дорофея о святом великом посте/ К сему убо zde еще всяк да зрит и внимает реченным, не от нас, но от святаго аввы Дорофея о святом и великом посте. глаголет же сие в 15 слове своея книги. а в никонове в 57- м.исход, 23. Левит 27.Числа, 18
8	Како подобает Божественная правила по всему хранить, от предисловия седмаго собора. и прочих святых/Прилично же убо zde ко утвержению написати о том, како подобает божественная правила по всему хранить, от предисловия седмаго собора

9	Собрание толкованием от различных святых отец и учителей, о сте и пятидесяти псалмех/ Собрание толкованием, от различных святых отец и учителей, в книгу псалмов. собрано священнейшаго митрополита ираклийскаго, кир никиты, иже сирский. сказание о сте и пятидесяти псалмех
10	Беседование о первом псалме
11	Правило, како молитися, не умеющим грамоте/ Сие правило не умеющим грамоте
12	От слова святого, Василия великаго. никия же бо иныя книги тако Бога славят, якоже псалтырь душеполезна есть/ Василия великаго сказание о псалтыри
13	Святого Иоанна златоустаго, к братии о псалтыри/ Сказание святого Иоанна Златоустаго к братии о псалтыри, толкование
14	Указ како начати иноку особь пети псалтырь/ Разумно да будет, како начати иноку особь пети псалтырь
15	Псалмы святого Давида, пророка и Царя
16	Песни пророческия
17	Указ како совершити псалтырь/ По совершении же неколиких кафизм, или всего псалтыря и песней.
18	Псалмы избранныя, и величании на господския праздники, и святым нарочитым/ Многомилостивое певаем в праздники господския, во дни нарочитых святых, внегда устав указывает
19	Устав святых отец Богом преданный, всем хотящим пети псалтырь, в молчании живущим иноком, и всем богобоязненным православным христианом
20	Предисловие, и Канон за единоумершаго/ Предисловие пред канон за единоумершаго Ведомо же буди. сие да поеши канон сей за душу умершаго, сокрушенным сердцем и со слезами
21	Канон за творящих милостыню/ Канон молебен, како подобает пети. За творящих милостыню
22	Канон за болящаго
23	Чин бываемый на разлучение души от тела / Чин бываемый на разлучение души от тела, внегда брату изнемогающу
24	Канон за умерших общий /Ведомо же буди, сие да поеши канон сей за усопших

25	И к сему убо вестно да будет повсюду православным, како писати в синодики и зде отшедших ко господу, имена, и падежи имен
26	Молитва кадилу над усопшим
27	Молитва над кутиєю, в память умершим
28	Сведения об издании сборника

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Копии листов славянского печатного Псалтыря начала XX в.

Рисунок 1. Филигрань
«Кувшин»

Рисунок 2. Филигрань «Лилия»

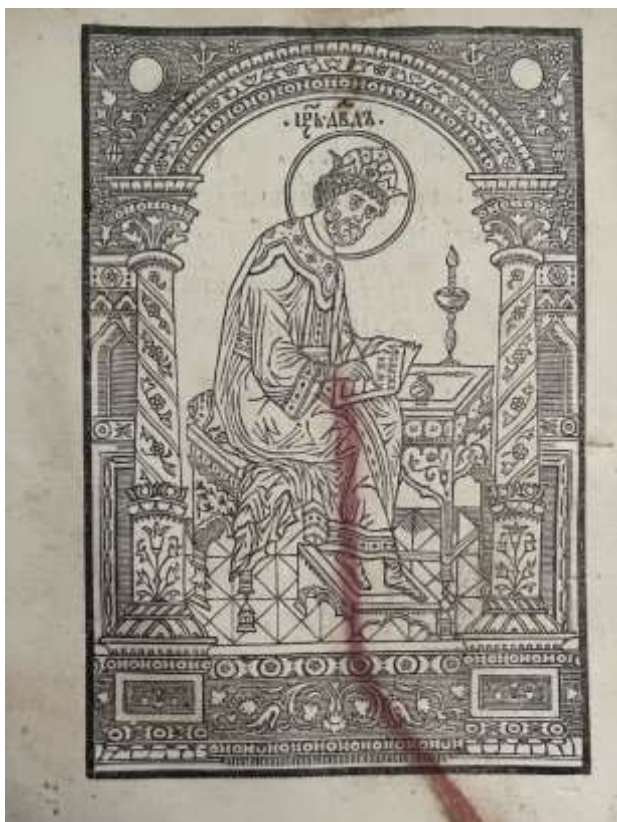

Рисунок 3. Гравюра «Царь Давид»

Рисунок 4. Псалмы святого Давида,
пророка и Царя